

Февраль 2018

**FAMILY
POLICY.ru**
Advocacy group

**СЕМЕЙНАЯ
ПОЛИТИКА.рф**
Аналитический центр

Движение за запрет телесных наказаний в семье: истоки, методы, результаты

Аналитический доклад

Код документа: INT-18-070

Постоянный адрес: familypolicy.ru/rep/int-18-070

Наша миссия: содействие укреплению естественной семьи и приоритета традиционных семейных ценностей в области российского и международного права.
Учредители центра:

Всемирный Конгресс Семей – самое представительное международное объединение сторонников семейных ценностей, включающее сотни организаций из 80 стран мира
WorldCongress.org

Фонд поддержки семьи и демографии во имя св. Петра и Февронии представляет ВКС в РФ/СНГ. Учредители Фонда: прот. Дмитрий Смирнов, протоиерей Максим Обухов, Алексей Комов
WorldCongress.ru

Межрегиональная общественная организация «За права семьи» защищает российские семьи с 2010 года. Председатель – Павел Парфентьев
ProFamilia.ru

Копирайт © Аналитический центр «СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА.РФ». Настоящий документ может свободно использоваться в целях защиты естественной семьи в средствах массовой информации, а также распространяться в тех же целях в неизменном виде на электронных и печатных носителях. При любом использовании обязательна ссылка на Семейная Политика.РФ. Контакты: +7 495 960 0460, +7 931 242 6012, info@FamilyPolicy.ru, Россия, 129323, Москва, Лазоревый пр. 2-68, FamilyPolicy.ru

Резюме

Подвергается анализу позиция сторонников юридического запрета применения умеренных телесных наказаний в семейном воспитании детей.

Обработав большой объем информации правового и фактического характера, авторы аналитического доклада приходят к убеждению в справедливости следующих выводов:

- в продвижении своей позиции сторонники запрета телесных наказаний детей используют ложные и бездоказательные утверждения, манипулируя общественным мнением;*
- мнение о том, что воспитательные телесные наказания являются насилием по отношению к ребенку и унижительным обращением, не имеют под собой достаточных оснований, бездоказательно продвигаются конкретными общественными группами;*
- мнение о том, что умеренные воспитательные телесные наказания наносят вред детям, не может считаться научно доказанным, ряд научных данных противоречит этому мнению;*
- мнение о том, что применение умеренных воспитательных телесных наказаний в семье повышает риск тяжкого насилия в отношении детей, не подтверждается фактами;*
- ни один обязывающий акт международного права, принятый Российской Федерацией, не требует запрета умеренных воспитательных телесных наказаний;*
- при продвижении позиции сторонников запрета телесных наказаний игнорируется общественное мнение, она искусственно внедряется вопреки мнению обществу;*
- история движения за запрет телесных наказаний детей связана с историей организаций, борющихся за права гомосексуалистов и педофилов.*

На примере Швеции, первого государства, юридически запретившего применение телесных наказаний детей в семьях (1979), показано, что такой запрет может вести к тяжелым долгосрочным отрицательным последствиям для общества.

На основании проделанного анализа авторы приходят к выводу, согласно которому использование умеренных телесных наказаний детей в семейном воспитании не может считаться причиняющим вред детям или обществу, и не существует никаких реальных оснований для того, чтобы требовать его законодательного запрета или вводить подобный запрет в России. Попытки введения такого запрета являются неоправданными, противоречат традициям российского воспитания и отечественным семейным ценностям.

По мнению авторов, интересам российского общества отвечает сохранение автономии родителей в принятии решений в сфере воспитания детей, которая должна быть поддержана соответствующими законодательными гарантиями.

Введение

Цель настоящего обзора – представить анализ ряда вопросов, связанных с движением, направленным на запрет использования телесных наказаний в воспитании детей (далее по тексту «движение за запрет телесных наказаний»). Такой анализ представляется весьма актуальным, поскольку это движение довольно активно действует в современной России в связи с иными инициативами, направленными на защиту особым образом понимаемых прав ребенка.

Актуальность предлагаемого анализа неоспорима еще и в связи с тем, что движение за запрет телесных наказаний оказывается направленным на ограничение традиционно признаваемых в российской культуре пределов прав родителей на принятие решений по вопросам воспитания своих несовершеннолетних детей. Запрет на телесные наказания детей необходимым образом сопряжен с соответствующими юридическими санкциями за его нарушения и процедурами, имеющими целью выявление таких нарушений. Таким образом, запрет на телесные наказания детей тесно связан с внедрением т.н. «ювенальных технологий», а именно той их части, которая предполагает достаточно широкие пределы вмешательства во внутреннюю жизнь семьи со стороны государственных органов и постоянный контроль над внутренней жизнью семьи.

Движение за запрет телесных наказаний детей, в его нынешнем виде, имеет сравнительно недолгую историю. Первые негосударственные организации, имеющие целью борьбу за запрет телесных наказаний детей, появились в Великобритании в 70-е гг. XX века¹.

Сторонники запрета телесных наказаний детей нередко ссылаются на тех, кого причисляют к своим историческим предшественникам. Действительно, история педагогики знает целый ряд деятелей, среди которых и весьма авторитетные, выступавших за ограничение применения телесных наказаний в воспитании детей или за отказ от них. Однако идея запрета телесных наказаний детей существенно отличается от позиции этих деятелей, предлагавших свои взгляды обществу и действовавших исключительно убеждением, но не ратовавших за законодательное ограничение традиционных прав семьи и родителей в сфере воспитания.

Ситуация, когда в обществе существуют различные педагогические убеждения и взгляды, совершенно нормальна. Совершенно естественно также, что их сторонники предлагают публике, родительской общественности, свою позицию и аргументы в ее пользу. Под влиянием этих аргументов каждая семья делает тот или иной воспитательный выбор. Однако совершенно иной является ситуация, в которой государство, под воздействием тех или иных общественных сил, налагает ограничения на свободу воспитательных выборов семьи.

По самой своей природе семья должна иметь приоритет в воспитании детей и пользоваться в исполнении воспитательной задачи признанной разумной автономией. Эта точка зрения соответствует традициям российской культуры и вероучению традиционных религиозных общин России.

Этот традиционный взгляд был поддержан Межрелигиозным советом РФ, который 22.04.2010 г. выступил с заявлением по вопросам защиты прав семьи и ребенка, указав в нем:

¹ Обзор важных моментов истории движения за запрет телесных наказаний детей в Великобритании будет приведен ниже.

«Подчас ювенальные суды и заинтересованные представители государственных служб буквально вынуждают детей клеветать на родителей, воздействуя своим авторитетом на неокрепшую психику ребенка. Нередко чиновники грубо вмешиваются в процесс воспитания, не позволяя родителям определять меру соблюдения ребенком бытовой и религиозной дисциплины, приучать его к труду, ограждать его от неверных и опасных поступков — даже тогда, когда такое ограждение в силу малого возраста ребенка должно быть физическим.

Нам видятся опасными любые меры, которые бы позволили чиновникам вмешиваться во внутреннюю жизнь семьи, в ее мировоззрение и образ жизни, в кровную связь родителей и детей. Ребенок счастлив только тогда, когда живет вместе со своими отцом и матерью. Нормы внутрисемейных отношений заложены Творцом в природу человека, и разрушение их принесет несчастье человеку и народу. Вмешиваться в тайну внутренней жизни семьи следует лишь в крайнем случае, когда жизни или здоровью человека угрожает опасность. <...>»².

С точки зрения традиционного взгляда на автономность семейной жизни, присущего российской и мировой культуре, меры, направленные на искусственное ограничение права родителей принимать те или иные решения, касающиеся воспитания детей, должны, как представляется, отвечать следующим минимальным критериям:

- a. учитывать традиционную российскую культуру воспитания и семейные ценности, с уважением относиться к соответствующим воззрениям традиционных религиозных общин;
- b. иметь крайне веские, хорошо подтвержденные основания – как правовые, так и научные;
- c. отражать интересы и взгляды общества в целом, приниматься в интересах всего общества, а не под влиянием той или иной отдельной общественной группы.

Ниже будут подробно рассмотрены основные аргументы, предлагаемые сторонниками запрета телесных наказаний детей в семье в защиту своей позиции, а также некоторые методы продвижения ими своих идей. Будут также приведены заслуживающие внимания факты, касающиеся начала истории современного движения за запрет телесных наказаний в Великобритании. Некоторое внимание будет уделено анализу последствий введения запрета на телесные наказания детей в Швеции (стране, которая первой ввела такой запрет в 1979 году).

Серьезный анализ приведенной информации позволит оценить, отвечает ли требование запрета применения телесных наказаний в семейном воспитании детей, приведенным выше важным критериям.

Следует сразу указать, что в данной работе мы воздерживаемся от каких-либо выводов в поддержку использования телесных наказаний как воспитательного метода или в пользу отказа от них. Решение вопроса о целесообразности использования этого воспитательного метода выходит за пределы поставленных нами задач. Мы рассматриваем исключительно вопрос о целесообразности и обоснованности юридического запрета на его применение в семейной педагогике, а также его криминализации.

² <http://www.patriarchia.ru/db/text/1144016.html> - здесь и далее при отсылках на интернет-материалы приводятся ссылки, активные на 19.02.2018.

Используемая терминология

Под «*телесным наказанием детей*», здесь и далее (кроме случаев, когда делается особое уточнение) будет иметься в виду **умеренное** применение к ребенку **в воспитательных целях** (наказание за проступок) телесных наказаний (шлепки, умеренная порка) **со стороны родителей, и лиц, заменяющих их или уполномоченных ими**. Умеренность телесного наказания предполагает, в частности, что оно не должно создавать реальную угрозу для жизни или телесного здоровья ребенка, не направлено на намеренное причинение ему каких-либо телесных повреждений или иного вреда. Умеренность также предполагает способность взрослого соразмерить свои воспитательные действия с их целью, не выходя за разумные пределы.

Иными словами, речь идет о применении воспитательных телесных наказаний в пределах, которые традиционно считались в принципе допустимыми в российском обществе.

Следует учитывать, что Комитет ООН по правам ребенка в п. 11 т.н. «Замечания общего порядка 8» (подробный анализ которого будет дан ниже) дает иное, значительно более широкое, определение «телесного наказания»:

«Комитет определяет "телесное" или "физическое" наказание как любое наказание, при котором применяется физическая сила и которое призвано причинить некоторую степень боли или дискомфорта, какими бы легкими они не являлись. В большинстве случаев предполагается нанесение детям ударов ("порка", "отшлепывание", "трепка") рукой или каким-либо предметом (кнутом, палкой, ремнем, тупфлей, деревянной ложкой и т.д.). Но это также может быть связано, например, с пинками, встряхиванием или швырянием детей, царапаньем, щипанием, кусанием, выдергиванием волос или оплеухами, принуждением детей оставаться в неудобном положении, обжиганием, ошпариванием или принудительным заглыванием (например, промывкой ртов детей мылом или принуждением к заглыванию острых специй). По мнению Комитета, телесные наказания в любом случае являются унижительными. Кроме того, существуют другие, несвязанные с применением физической силы виды наказания, которые также являются жестокими и унижающими достоинство и как таковые несовместимы с Конвенцией. К ним относятся, например, наказание унижением, оскорблением, клеветой, превращение детей в предмет издевательств, использование угроз, запугивание или высмеивание ребенка»³.

Именно определение Комитета ООН по правам ребенка сегодня широко используется сторонниками запрета телесных наказаний. Нетрудно заметить, что под определение Комитета подпадают, в том числе, и такие виды воспитательных наказаний ребенка, как «дернуть за ухо» или «поставить в угол». Комитет приравнивает к телесным наказаниям «использование угроз» (к которым может быть на практике отнесена, к примеру, угроза лишить чего-либо за плохое поведение) и т.п.

Тем не менее, мы сосредоточим свое внимание лишь на умеренных воспитательных телесных наказаниях в традиционном смысле этого слова. При этом мы будем исходить из того, что если не будет усмотрено реальных оснований для запрета применения таких телесных наказаний в семье, то будет вполне очевидно, что их нет и в отношении таких мер наказания, как «стояние в углу» и т.п.

³ <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/crc/Rcrcomm8.html>

Хотелось бы особо отметить, что определение Комитета по правам ребенка объединяет под одним названием воздействия совершенно различного характера и степени интенсивности. Так, вполне очевидно, что никто из здравых родителей, считающих допустимым применение умеренных воспитательных телесных наказаний, не сочтет допустимым применение таких мер, как «обжигание или ошпаривание» ребенка. Как представляется, объединяя в определении одного термина столь различные вещи, Комитет искусственно переносит эмоциональное отношение аудитории к очевидно недопустимым действиям на более широкий спектр действий, недопустимость которых далеко не столь очевидна.

Истоки международного движения за запрет телесных наказаний: Великобритания

Для того, чтобы лучше представить себе общий контекст современного движения за запрет телесных наказаний детей, необходимо принять во внимание некоторые интересные исторические факты.

Начало движения за запрет телесных наказаний детей тесно связано с началом организованного движения за права ребенка в Великобритании. Среди основоположников движения за права ребенка в Великобритании важное место занимала организация «Обмен информацией по педофилии» (Paedophile Information Exchange, PIE), объединявшая активистов борьбы за права педофилов как сексуального меньшинства.

PIE была основана в Великобритании в 1974 г. и просуществовала до 1982 г., когда была официально распущена властями за «ущерб, наносимый общественной нравственности». В те годы во многих кругах Великобритании педофилы рассматривались как страдающее и гонимое меньшинство, нуждающееся в поддержке и защите общества. Для выражения их интересов и была создана PIE. Позднее с PIE объединилась организация «Педофильская акция за освобождение» (Paedophile Action for Liberation, PAL), отколовшаяся от организации Фронт освобождения геев (Gay Liberation Front, GLF), боровшейся за права сексуальных меньшинств с крайне левых, открыто антисемейных позиций⁴. PIE была аффилированным членом вполне «респектабельной» левой организации Национальный Совет по гражданским свободам (National Council of Civil Liberties)⁵.

В этот период времени педофилия рассматривалась британским обществом как один из аспектов прав гомосексуалистов. Потребовались несколько лет горького опыта для того, чтобы общество вернулось к страху по отношению к ней и ее отторжению. Так, Ассоциация планирования семьи (Family Planning Association)⁶ в 1970-е годы рекомендовала всем книгу под названием «Мальчик, девочка, мужчина, женщина», которая содержала следующий «профессиональный совет»:

«Как правило, “соблазнитель” [ваших детей] – это добрые люди, обращающиеся с ребенком с нежностью и привязанностью, и естественное сексуальное любопытство ребенка может найти удовлетворение в обществе педофила. Если ребенку не хватает тепла и любви у себя дома, признание подобных чувств в “со-

⁴ http://en.wikipedia.org/wiki/Paedophile_Information_Exchange

⁵ Существует и поныне под названием «Свобода» (Liberty).

⁶ Ассоциация планирования семьи, существующая с 1930 г. в Великобритании, продвигала идеи контроля за рождаемостью и контрацепции. Один из видов ее деятельности – сексуальное просвещение молодежи. В 1948 г. Ассоциация планирования семьи проводит в Англии Международный Конгресс по населению и мировым ресурсам (British Medical Journal, July 31, 1948, p. 277). На этом конгрессе создается Международный комитет по плановому родителству (International Committee on Planned Parenthood), в 1952 г. в Бомбее преобразованный в Международную Федерацию по плановому родителству (International Planned Parenthood Federation), членом которой и по сей день остается британская Ассоциация планирования семьи. Членом IPPF является также Российская ассоциация «Народонаселение и развитие» (<https://www.ippf.org/about-us/member-associations/russia>), в прошлом Российская ассоциация планирования семьи (РАПС), занимавшаяся, в частности, продвижением сексуального просвещения детей в школах в России. Деятельность РАПС в России активно поддерживала депутат Государственной Думы РФ Е. Лахова, причастная к созданию ряда законопроектов, вызвавших крайне негативную реакцию российской родительской общественности.

блзнителе” позволит им почувствовать себя в его обществе в большей безопасности и комфорте»⁷.

Именно педофилы стали основоположниками борьбы за права детей в Великобритании, ставя на первое место право ребенка на сексуальную свободу⁸. Выработывая стратегию достижения своих целей, педофилы приняли разумное решение о том, что требование дать взрослым право на сексуальные отношения с детьми никуда их не приведет. Нужно было найти другой путь. И такой путь был найден именно в виде борьбы за право ребенка на сексуальную свободу. В 1976 году педофил-активист Роджер Муди писал, что необходимо не снизить, а полностью отменить возраст согласия, добившись, чтобы в этом отношении право контроля было отобрано у судов и родителей, и принадлежало лишь самому ребенку⁹.

Борьба за права ребенка показалась педофилам отличной стратегией, и они начали ее развивать. Вскоре секретарь PIE выпустил первую газету «Права детства» (Childhood Rights). Национальный Совет по гражданским свободам размещал в «Правах детства» свою рекламу, а в 1976 г. опубликовал доклад, призывающий к отмене возраста согласия как для мальчиков, так и для девочек. Автор этого доклада доктор-социолог Майкл Шофилд писал: «гомосексуальный опыт может быть полезен для мальчиков, которые впоследствии будут жить гетеросексуальной жизнью»¹⁰.

Необходимо отметить, что именно с педофильской газеты «Права детства» началось организованное движение за права ребенка и за отмену телесных наказаний в Великобритании. Ее первый номер был целиком посвящен необходимости отмены телесных наказаний в школах.

В 1977 г., по сообщению педофильского журнала Magpie, Тони Смайт, активист борьбы за права гомосексуалистов и руководитель Национального совета по гражданским свободам, высказал мнение о том, что «PIE едва ли является идеальной группой для победы в деле борьбы за права детей». Кто же должен заниматься этой темой? Редактор журнала Magpie Уоррен Мидлтон писал:

«[Инициатива в этом деле] должна придти от просвещенных прогрессивных людей, групп научных исследователей и профессиональных групп по воздействию [на общественное мнение] – от взрослых, аргументы которых не смогут быть опрокинуты возможностью оппозиции утверждать, что у них есть личная заинтересованность. От людей, имеющих мужество для того, чтобы вызвать на себя гнев нации, отравленной христианским подходом к сексу»¹¹.

В 1982 г. PIE было закрыто правоохранительными органами за «повреждение общественной морали» (в 2006 г. был арестован ее последний активный член по обвинению в распространении детской порнографии).

А еще до закрытия PIE, в 1981 г., начал работу Детский правовой центр, координатором которого был Питер Ньюэлл (Peter Newell), до этого отвечавший в Национальном совете по гражданским свободам за направление, связанное с правами в сфере образования.

Хотя, насколько нам известно, нет прямых фактов, доказательно указывающих на прямую связь Питера Ньюэлла с кампаниями PIE по защите прав детей, нет никаких сомнений в том, что содер-

⁷ Calder & Boyars, “Boy, Girl, Man, Woman”, London 1971

⁸ Lynette Burrows, The Fight for the Family: The Adults behind Children’s Rights, Oxford, 1999, p. 37

⁹ Lynette Burrows, The Fight for the Family: The Adults behind Children’s Rights, Oxford, 1999, p. 38

¹⁰ Lynette Burrows, The Fight for the Family: The Adults behind Children’s Rights, Oxford, 1999, p. 39

¹¹ Magpie, Issue 10, 1977

жательно он, по сути, продолжил по целому ряду направлений линию, начатую именно ими. Его работа стала воплощением в жизнь стратегии, озвученной в 1977 г. редактором журнала *Magpie*.

Питер Ньюэлл был сотрудником Национального Совета по гражданским свободам, организации, которая сотрудничала с PIE, поддерживала кампании за право детей на сексуальные отношения, снижение возраста согласия и права сексуальных меньшинств. Кроме того, как выяснится только в 2018 году, он сам был педофилом и совершал насильственные сексуальные акты в отношении ребенка (мальчика) как раз в середине-конце 60-х гг.¹²

Одним из самых заметных направлений в деятельности Питера Ньюэлла стала борьба за запрет телесных наказаний детей, сначала – в Великобритании, а затем – на международном уровне.

В 1985 г. Ньюэлл отошел от работы в Детском правовом центре (в период его работы в Центре, эта организация, в частности, требовала лишить родителей права знать о том, что доктора выписывают их несовершеннолетним дочкам контрацептивные таблетки) и основал новую организацию под названием Общество учителей против телесных наказаний в школах (STOPP). В 1986 г. эта организация успешно провела лоббистскую кампанию за запрет телесных наказаний в английских школах. В 1989 году начали работу две новые организации – «Прекратите физические наказания детей» (ЕРОСН) и Ассоциация за защиту всех детей. Координатором обеих новых организаций стал также Питер Ньюэлл. В обеих организациях работала также и Рэйчел Ходжкин – его «домашний партнер», мать его детей, выступавшая также в качестве одного из ведущих сотрудников Национального детского Бюро Великобритании.

В своей работе «Борьба за семью: взрослые, стоящие за правами детей», вышедшей в 1999 году, английская писательница и педагог Линетт Барроуз приводит сводные таблицы, показывающие, что все основные английские организации, занимавшиеся борьбой за права детей, двигались Питером Ньюэллом и очень небольшой группой активистов, успешно создававших впечатление широкой общественной поддержки своей деятельности. Питер Ньюэлл играл ведущие роли в каждой из этих организаций (среди них, помимо уже упомянутых, такие как: Children's Rights Office, Children's Rights Development Unit и другие)¹³.

То, что в кампании за запрет телесных наказаний организация ЕРОСН имитировала наличие широкой общественной поддержки своей позиции, подтверждается конкретными фактами. Так, под манифестом ЕРОСН, требовавшим запрета всех телесных наказаний детей в семье, присутствовали подписи шестидесяти организаций, занимающихся воспитанием. В 1997 году организация, защищающая права родителей на воспитание детей, Families for Discipline («Семьи за дисциплину») направила запросы в 44 из этих организаций, задав им ряд вопросов. В опрос входили вопросы о том, на каком уровне было принято организацией соответствующее решение, на основании каких исследовательских данных, и подразумевает ли их мнение необходимость законодательного запрета родительских шлепков в нормальных семьях.

Было получено 39 ответов. Часть организаций ответила четко, что они никогда не поддерживали заявление ЕРОСН. Одна из организаций сообщила, что требовала убрать свою подпись из под манифеста, но безуспешно. Она также сообщила о том, что общественность крайне негативно отреа-

¹² <http://www.bbc.com/news/uk-43075546>

¹³ Lynette Burrows, *The Fight for the Family: The Adults behind Children's Rights*, Oxford, 1999, p. 89-95

гировала на якобы занятую ею позицию против телесных наказаний. Большинство организаций принимало соответствующие решения, не выясняя позиций своих членов. Лишь пять организаций смогли сослаться на какие-либо исследования в поддержку своих позиций, а большинство отправляло за информацией об исследованиях к ЕРОСН. Число организаций, безусловно поддерживающих законодательный запрет шлепков, оказалось не достигающим десятка¹⁴.

В 1998 г. был опубликован буклет, призывавший к уголовному преследованию родителей, шлепающих детей. Эту позицию поддержали 160 организаций. Однако при ближайшем рассмотрении этого списка оказалось, что 82 из них в течение последних четырех лет получали денежные гранты от Calouste Gulbenkian Foundation – организации, финансово поддерживающей движение за права детей, в качестве постоянного соратника и советника которой выступал все тот же Питер Ньюэлл. Заслуживает упоминания тот факт, что директор английского филиала этого фонда, Бен Уитэйкер, ранее возглавлял группу по правам меньшинств в Национальном совете по гражданским свободам. Еще 22 организации из списка получали денежные средства или сотрудников от ЕРОСН и Children's Rights Office. Другие 13 организаций оказались «двойниками» организаций, уже присутствующих в списке, или финансировались еще одной поддерживающей Ньюэлла организацией – Joseph Rowntree Charitable Trust (ранее она финансировала некоторые стороны деятельности возглавляемой им STOPP¹⁵). Характерно, что Joseph Rowntree Charitable Trust финансирует также и кампании за т.н. «права сексуальных меньшинств»¹⁶.

Иными словами, примерно половина «списка поддержки» была сформирована за счет организационных или финансовых вливаний узкой группы людей, связанных с Питером Ньюэллом¹⁷. Лоббирование запрета телесных наказаний осуществлялось, таким образом, не широкой общественностью, а небольшим кругом тесно связанных между собой организаций, за которыми стояла маленькая группа активистов, ведущую роль в которой играл Питер Ньюэлл.

¹⁴ Lynette Burrows, *The Fight for the Family: The Adults behind Children's Rights*, Oxford, 1999, p. 23-28.

¹⁵ Robert Adams, *The Abuses of Punishment*, 1988, p. 213

¹⁶ См., к примеру: <https://www.jrct.org.uk/rainbow-project>

¹⁷ Lynette Burrows, *The Fight for the Family: The Adults behind Children's Rights*, Oxford, 1999, p. 28-31.

Движение за запрет телесных наказаний: международный этап и продвижение в России

Как было показано, активное движение за запрет телесных наказаний детей имеет сравнительно недавнюю историю. Первые организации, преследующие такую цель, появились в конце 70-х гг. XX века в Великобритании (и, первоначально, ставили целью запрет применения телесных наказаний в школах). Однако к концу 90-х гг. XX века активистам этого движения стало ясно, что достичь своих целей они, наиболее эффективно, могут не на национальном, а на международном уровне. С этим связана активизация международного движения за запрет телесных наказаний детей в начале нашего столетия.

Следует особым образом отметить ключевые моменты этого движения:

В 2001 г. была создана международная организация «Глобальная инициатива по прекращению любых телесных наказаний детей» (Global Initiative to End All Corporal Punishment of Children)¹⁸. Сооснователем этой организации и ее Общим координатором (Joint Coordinator) этой организации стал уже известный нам британский активист Питер Ньюэлл¹⁹.

В 2003 г. происходит официальное принятие влиятельной международной организацией «Спасите детей» (Save the Children) позиции в пользу запрета телесных наказаний детей. В качестве главы рабочей группы по проблеме телесных наказаний, результатом деятельности которой стало это решение, выступает все тот же Питер Ньюэлл²⁰. Характерно, что в буклете организации приводятся, со ссылкой на единственное исследование, все те утверждения, которые можно сегодня регулярно слышать от сторонников запрета телесных наказаний детей:

«Существует связь между телесными наказаниями и депрессией, низкой самооценкой, ухудшением психологической адаптивности и плохими взаимоотношениями с родителями и другими»²¹.

Единственная ссылка ведет на исследование Мюррея Штрауса (1994), на работы которого на протяжении значительного времени постоянно ссылаются сторонники запрета телесных наказаний. Как будет показано ниже, исследования Штрауса были подвергнуты серьезной научной критике.

Также в 2003 году выходит официальный документ Всемирной Организации Здравоохранения «Насилие и его влияние на здоровье: доклад о ситуации в мире»²², соавтором одной из частей третьей главы которого «Жестокое обращение с детьми и отсутствие заботы со стороны родителей» также был Питер Ньюэлл.

В 2004 г. принимается Рекомендация 1666 (2004) Парламентской Ассамблеи Совета Европы об общеевропейском запрете телесных наказаний детей²³. Рекомендация была принята по результатам заслушивания доклада члена ПАСЕ от Швеции Хелены Баргольц. В примечании 1 к этому док-

¹⁸ Сайт организации: <http://www.endcorporalpunishment.org/>

¹⁹ www.crin.org/docs/announcement_and_bios.doc

²⁰ Towards a Strategy to Address Corporal Punishment of Children in Southeast, East Asia and Pacific Proceedings of the International Save the Children Alliance Regional Workshop on Corporal Punishment of Children, 6-9 October 2003, Bangkok, Thailand, p. 2

²¹ <https://resourcecentre.savethechildren.net/sites/default/files/documents/2765.pdf>

²² http://www.who.int/violence_injury_prevention/violence/world_report/en/full_ru.pdf

²³ [http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/\[Russian_documents\]/\[2004\]/\[June_2004\]/Rec.-1666-Rus.asp](http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/[Russian_documents]/[2004]/[June_2004]/Rec.-1666-Rus.asp)

ладу указывается: «Докладчик в высшей степени признателен господину Питеру Ньюэллу, общему координатору “Глобальной инициативы по прекращению любых телесных наказаний детей”»²⁴.

В 2005 г. осуществляется первая публикация Советом Европы книги «Искоренение телесных наказаний: императив в области прав человека для европейских детей». В 2008 году она издается вторым изданием²⁵.

2006 г. – публикация Комитетом ООН по правам ребенка документа под названием: «Замечание общего порядка 8. Право ребенка на защиту от телесных наказаний и других жестоких или унижающих достоинство видов наказания (в частности, статья 19; пункт 2 статьи 28 и статья 37), CRC/C/GC/8» (21 августа 2006 г.)²⁶. Документ опубликован в связи с публикацией в том же году Исследования Генерального секретаря ООН по вопросу о насилии в отношении детей²⁷. Питер Ньюэлл входил в Редакционный совет этого доклада.

В своем «Замечании общего порядка» Комитет ссылается на доклады «Глобальной инициативы по прекращению любых телесных наказаний детей», на книгу «Искоренение телесных наказаний: императив в области прав человека для европейских детей», и рекомендует опубликованный в 2005 г. справочник ЮНЕСКО «Искоренение телесных наказаний: путь к конструктивной дисциплине у детей», в создании которого принимал активное участие Питер Ньюэлл, будучи соавтором книги (автором одной из глав - «Императив в области прав человека – прекращение всех телесных наказаний»)²⁸.

В 2007 г. имеет место публикация Советом Европы ряда изданий, среди которых такие как: второе издание книги «Искоренение телесных наказаний», выпущенной в 2005 г., буклет «Искоренение телесных наказаний: вопросы и ответы»²⁹ (буклет ссылается на многие ранее упомянутые издания) и др. В том же году ЮНИСЕФ издает «Справочник по воплощению Конвенции о правах ребенка»³⁰. В справочнике серьезное внимание уделено «праву на защиту от телесных наказаний». Авторы справочника – Питер Ньюэлл и его супруга Рэйчел Ходжкин.

В 2008 г. происходит старт «Инициативы Совета Европы против телесных наказаний детей» (Загреб, 15 июня). Один из выступающих на публичном мероприятии по случаю старта инициативы – Питер Ньюэлл, отстаивающий необходимость законодательной реформы для защиты детей от телесных наказаний³¹.

²⁴ <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/X2H-Xref-ViewHTML.asp?FileID=10558&lang=EN>

²⁵ <https://book.coe.int/usd/en/children-s-rights-and-family-law/3953-eliminating-corporal-punishment-a-human-rights-imperative-for-europe-s-children-2nd-edition.html>

²⁶ <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/crc/Rcrcomm8.html>

²⁷ [https://www.unicef.org/lac/full_text\(3\).pdf](https://www.unicef.org/lac/full_text(3).pdf)

²⁸ <http://www.crin.org/violence/search/closeup.asp?infoID=5415>

<http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001392/139209e.pdf>

²⁹ Русский перевод доступен по ссылке: <https://rm.coe.int/168046d0ae>

³⁰ https://www.unicef.org/publications/index_43110.html

³¹

https://web.archive.org/web/20111103042907/http://www.coe.int/t/dg3/children/corporalpunishment/Source/Presentation/ZagrebProgramme_en.doc

Нетрудно заметить, что все развитие движения выглядит как намеренное последовательное проведение определенной кампании, направленной на достижение поставленной цели: запрета использования воспитательных телесных наказаний по отношению к детям (в т.ч. в семье).

На протяжении всей кампании в ней, в качестве активного протагониста, участвует один человек, с которого началось институциональное движение за запрет телесных наказаний детей – Питер Ньюэлл.

Питер Ньюэлл до сих пор выступает как эксперт ООН по правам человека³², а на сайте Совета Европы размещаются, например, такие его суждения:

«Некоторые высказывают мнение, что необходим своего рода “баланс” между правами детей и правом семьи на неприкосновенность семейной жизни. Но никто ведь не говорит, что нам нужно постараться сбалансировать неприкосновенность семейной жизни и право женщин или мужчин на защиту закона от всех форм насилия дома. Отличительные черты детей – их малость и ранимость, их зависимость от взрослых и особые трудности, которые они встречаются, когда ищут способа восстановить свои нарушенные права, все это говорит о том, что им нужна большая, а не меньшая защита закона, чем взрослым.

Задача искоренить все телесные наказания детей становится тестом на возможность международных и региональных механизмов защиты прав человека обеспечить детей эффективной защитой их прав»³³.

Питер Ньюэлл также регулярно выступал в качестве консультанта ЮНИСЕФ, «в особенности предоставляя советы относительно общих мер имплементации Конвенции [о правах ребенка] и по учреждению независимых институций по правам человека в области прав ребенка»³⁴. Он также являлся Советником Европейской сети детских омбудсменов (ENOC).

С 2009 по 2016 годы Ньюэлл также был членом совета директоров влиятельнейшей международной организации по защите прав ребенка «Международная сеть по правам детей» (Child Rights International Network, CRIN - <http://www.crin.org/en>), объединяющую огромное число госучреждений и негосударственных организаций со всего мира, включая и Россию.

В этой связи следует особое отметить принятие в **2011 г.** Генеральной Ассамблеей ООН Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося процедуры сообщений³⁵. Весьма существенную роль в его принятии играла созданная CRIN коалиция, в которую, как сообщается на сайте этой структуры, входили 80 международных и национальных организаций, действовавших при поддержке еще 600 групп из разных стран. Одним из создателей и двух соруководителей коалиции был Питер Ньюэлл³⁶. После принятия документа Генеральной Ассамблеей, он заявил:

³² <http://www.ohchr.org/EN/Issues/ViolenceAgainstChildren/Pages/Agenda.aspx>

³³

<https://web.archive.org/web/20100419163218/http://www.coe.int/t/transversalprojects/children/Source/From%20Peter%20Newell.doc>

³⁴ www.crin.org/docs/announcement_and_bios.doc

³⁵ Подробнее об этом документе и связанных с ним проблемах смотри наш доклад: *Ultra Vires. Неправомочные действия Комитета ООН по правам ребенка (2014)*: <http://www.familypolicy.ru/rep/int-14-055.pdf>

³⁶ <https://www.crin.org/en/library/news-archive/complaints-mechanism-human-rights-council-adopts-crc-complaints-mechanism>

«Давно пора было поставить права ребенка на тот же уровень, что и другие права человека!»³⁷.

Помимо упомянутых выше работ, Питер Ньюэлл также был автором еще целого ряда книг, таких как: «Бросая вызов насилию в отношении детей: справочник для негосударственных организаций, работающих над последующими мерами в отношении рекомендаций, изложенных в Исследовании ООН» (Challenging Violence Against Children: A Handbook for NGOs Working on Follow-up to the UN Study, 2008), «Эффективные правительственные структуры для детей» (1996)³⁸, «Принимая детей всерьез: предложение о введении Комиссара по правам детей» (2000)³⁹.

Этот человек, поистину вездесущий в сфере «защиты прав детей» и основной протагонист движения за запрет физических наказаний детей, как мы уже упоминали, сам оказался педофилом. В феврале 2018 года выяснилось, что между 1965 и 1968 гг. он подверг как минимум пяти случаям серьезного сексуального насилия мальчика, которому на момент начала изнасилований было 12 лет. В этих пяти случаях Ньюэлл сознался (неизвестно, страдали ли от него другие дети), был признан виновным и приговорен английским судом к 6 годам и 8 месяцам тюремного заключения⁴⁰.

После сообщения об этом представитель ЮНИСЕФ заявил⁴¹:

«Мы глубоко шокированы, узнав об аресте Питера Ньюэлла. Мы не знали об этом преступлении, когда он работал в качестве консультанта ЮНИСЕФ 10 лет тому назад. С тех пор ЮНИСЕФ ввел строгие процедуры проверки штатных сотрудников и консультантов».

Но, как мы видели выше, речь не идет просто об одном из многочисленных консультантов ЮНИСЕФ. Речь идет о человеке, который, без преувеличения, может быть назван ключевой фигурой в создании и превращении в «стандарт» идеи законодательного запрета физических наказаний детей. На материалы созданной и координируемой им организацией, на его работы, так или иначе, опирались едва ли не все серьезные международные решения в этой сфере. Будет справедливым сказать, что именно он, пользуясь структурами и ресурсами международных организаций, фактически «создал из ничего» обязательство государств законодательно запрещать любое, даже не наносящее ребенку ущерба, физическое наказание в семье. На самом деле это «обязательство», как будет показано ниже, не имеет никаких оснований в нормах международного права⁴².

Следует обратить особое внимание на то, что большинство стран, которые сегодня законодательно запрещают телесные наказания детей, приняли такое решение вовсе не после ратификации

³⁷ <http://www.crin.org/en/library/news-archive/un-adopts-complaints-mechanism-children>

³⁸ <https://gulbenkian.pt/uk-branch/publication/effective-government-structures-for-children/>

³⁹ <https://gulbenkian.pt/uk-branch/publication/taking-children-seriously/>

⁴⁰ <http://www.bbc.com/news/uk-43075546>

⁴¹ <http://www.bbc.com/news/uk-43075546>

⁴² На квазинормативном уровне это несуществующее обязательство утверждает, действуя неправомочным и недействительным образом, Комитет ООН по правам человека. Об этом смотри наш доклад: *Ultra Vires. Неправомочные действия Комитета ООН по правам ребенка (2014)*: <http://www.familypolicy.ru/rep/int-14-055.pdf>

ими Конвенции о правах ребенка (пик ратификаций⁴³ приходится на начало-середину 90-х гг.). Эти решения, в основном, были приняты в период, начавшийся в 2007 г. (т.е. после публикации Комитетом ООН по правам ребенка «Замечания общего порядка 8»)⁴⁴. Таким образом, очевидно, что речь идет не об обычном движении за права человека снизу, а о процессе, инициируемом с верхнего уровня международной политики, благодаря работе конкретной, ограниченной и весьма специфичной группы активистов.

Как мы увидим ниже, в своем документе Комитет ООН по правам ребенка, фактически, явочным порядком ввел новую норму международного права (выйдя при этом, по нашему мнению, за границы своих полномочий), и соответствующие изменения были введены в национальные законодательства под его давлением. Как будет показано ниже, это нередко делалось вопреки общественному мнению в соответствующих странах.

Говоря о Совете Европы, следует отметить, что в 2006 году Комиссаром Совета Европы по правам человека становится Томас Хаммарберг, еще в 2000 г. выступавший как соавтор Питера Ньюэлла в докладе о необходимости запрета телесных наказаний детей, представленном ООН⁴⁵. А в 2007 году Томас Хаммарберг представил на конференции «Международная юстиция для детей» доклад о необходимости создания «дружественного к детям механизма обжалования нарушений прав человека», где был представлен список задач, которые для этого необходимо решить. Этот список задач, как указано в докладе, был разработан господином Хаммарбергом совместно с Питером Ньюэллом. В числе прочих задач-требований можно отметить следующее:

«Государства, которые принимают любой из этих механизмов, должны гарантировать неограниченный доступ детей к ним. Например, они должны убедиться, что не существует законодательного принципа, требующего для этого согласия родителей (сегодня это реальная проблема в ряде европейских стран, и других, во всех регионах, где дети не могут самостоятельно обращаться в местные суды, а тем более к международным механизмам)»⁴⁶.

Как видим, в тексте доклада прямо декларируется задача создания противоестественной ситуации, в которой считается нормой юридическое обжалование детьми действий родителей и, тем самым, подрываются нормальные отношения в семье⁴⁷.

⁴³ http://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-11&chapter=4&lang=en

⁴⁴ http://en.wikipedia.org/wiki/Corporal_punishment_in_the_home

⁴⁵ <http://www.crin.org/docs/resources/treaties/crc.25/epoch.pdf>

⁴⁶ <https://wcd.coe.int/wcd/ViewDoc.jsp?id=1183599>

⁴⁷ Интересные дополнительные сведения о том, как понимает «права ребенка» Комиссар Совета Европы по правам человека господин Томас Хаммарберг, можно почерпнуть из его доклада, посвященного нарушению прав ЛГБТ-личностей (лесбиянок, гомосексуалистов, бисексуалистов и трансгендерных личностей) выпущенного в 2011 г. Советом Европы. В разделе рекомендаций господин Хаммарберг дает следующие рекомендации странам, входящим в Совет Европы (а значит и России), в части уважения права ЛГБТ-личностей «на признание гендера и семейную жизнь»:

«5) Принять законодательные акты, признающие однополые партнерства, и наделяющие их теми же правами и преимуществами, что и разнополые партнерства, например в отношении <...> родительских прав <...>.

6) Дать однополым парам и отдельным ЛГБТ-личностям, в соответствии с принципом обеспечения наилучших интересов ребенка, схожие возможности с иными заявителями, без дискриминации, при рассмотрении их в качестве [потенциальных] приемных родителей для ребенка.

В последние годы движение за запрет телесных наказаний стало активно продвигаться и в России. Это продвижение также, как можно убедиться, связано со взаимодействием России и Совета Европы, проводящего в жизнь взгляды Ньюэлла и Хаммарберга.

Активным продвижением запрета телесных наказаний детей в России занимается, в частности, Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. В 2009 г. фонд инициировал программу «Защитим детей от насилия», спланированную на 2009-2011 гг. Обращение фонда к теме жестокого обращения с детьми, как видно из его собственных публикаций, связано именно с телесными наказаниями в семье и произошло по инициативе Совета Европы:

«Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, впервые к теме жестокого обращения с детьми обратился 20 ноября прошлого года, когда провел акцию против всех видов телесного наказания детей, распространив видеоролик, изготовленный по заказу Совета Европы»⁴⁸.

Фондом была инициирована общенациональная информационная кампания по противодействию жестокому обращению с детьми «Россия – без жестокости к детям!»⁴⁹. Помимо большого количества публичных мероприятий (в том числе PR-характера, с привлечением деятелей кино и эстрады), направленных на пропаганду отказа от телесных наказаний детей, фонд распространяет социальную рекламу. Речь идет о таком видеоролике как «Пункт приема детских страхов» (реклама телефона доверия для детей), «Первый шлепок» и т.п. Фондом были также напечатаны плакаты со слоганами «Папа, я тебя боюсь» и «Мама, я тебя боюсь»⁵⁰. Едва ли можно согласиться с мыслью о том, что подобная социальная реклама направлена на укрепление доверия детей к родителям и утверждение в российском обществе уважения к семье и семейным ценностям.

В 2009 году по заказу Фонда было проведено исследование «Семья и родительство в современной России», в котором большое внимание было уделено выявлению масштабов использования телесных наказаний в российских семьях⁵¹.

Председатель правления Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, Марина Гордеева является экспертом Совета Европы по вопросам защиты прав и законных интересов детей и поддержки ответственного родительства⁵².

Таким образом, то, что происходит в этом отношении в России, является частью глобального процесса, который, однако, отражает не интересы семьи и даже не интересы детей, а весьма неоднозначные интересы сравнительно небольшой группы активистов, действующих через международные организации, в частности – структуры ООН и Совета Европы.

7) Признавать родительские права однополых родителей, осуществляемые ими как по отдельности, так и совместно, включая их права опеки и попечительства, без дискриминации на основании их сексуальной ориентации или гендерной идентичности <...>».

Discrimination on grounds of sexual orientation and gender identity in Europe, Council of Europe Publishing, 2011, p. 13-14 (перевод наш).

Текст доклада: http://www.coe.int/t/Commissioner/Source/LGBT/LGBTStudy2011_en.pdf

⁴⁸ <http://www.fond-detyam.ru/?node=52&mode=News&oid=320&lang=ru>

⁴⁹ <http://www.ya-roditel.ru/>

⁵⁰ <https://web.archive.org/web/20100730224421/http://ya-roditel.ru:80/national-campaign/gallery/>

⁵¹ <http://www.ya-roditel.ru/professionals/research/files/issledovanie--semiya-roditelstvo.pdf>

⁵² <https://rosmintrud.ru/social/fund-children/14>

Основные аргументы сторонников запрета телесных наказаний

Основные аргументы сторонников запрета телесных наказаний детей в семье на протяжении многих лет не меняются. Перечислим эти аргументы:

- телесные наказания являются насилием над детьми и потому должны искореняться, как и все формы насилия;
- телесные наказания являются унижительным/жестоким обращением с детьми;
- телесные наказания запрещены Конвенцией о правах ребенка, Европейским судом по правам человека, Европейской социальной хартией, российским законодательством;
- наука доказала, что телесные наказания причиняют детям вред;
- разрешение телесных наказаний повышает риск серьезного насилия по отношению к детям;
- в обществе крайне распространено тяжелое насилие над детьми, особенно в семьях, и необходимо запретить телесные наказания детей в семье, чтобы остановить эту тенденцию;
- общество считает телесные наказания детей неприемлемыми.

Большинство этих аргументов широко используется в различных контекстах. Нередко они принимаются широкой публикой как заведомо истинные, будучи выдаваемы за своеобразное «общее место» («всем известно, что», «каждый образованный человек знает») и т.п.

Ниже мы последовательно рассмотрим различные аспекты этой аргументации и покажем, что все эти аргументы являются ложными или неподтвержденными, а следовательно – не могут и не должны служить основанием для принятия юридических решений. Фактически, они должны рассматриваться как не вполне добросовестная манипуляция общественным мнением.

Терминологический аспект

«Насилие»

Одним из аргументов в пользу запрета телесных наказаний детей является мнение, согласно которому телесное наказание ребенка является формой насилия и, как всякая форма насилия, должна искореняться в обществе. Так, в п. 3 «Замечания общего порядка 8» Комитет ООН по правам ребенка указывает:

«Выработка неприятия широко распространенной практики телесных наказаний детей, воспитание к ней нетерпимого отношения и ее искоренение в семье, школе и т.д. является не только обязанностью государств-участников по Конвенции. В этом состоит принципиальная стратегия уменьшения и предупреждения всех форм насилия в обществе»⁵³.

Вопрос о том, входят ли действительно перечисленные задачи в обязанности государств-участников Конвенции ООН о правах ребенка, будет рассмотрен нами отдельно. Пока лишь обратим внимание на то, что Комитет ООН по правам ребенка однозначно указывает, что телесные наказания детей являются формой насилий, и подлежат искоренению, как и все формы насилия в обществе.

Однако является ли убедительным этот аргумент?

Чтобы выяснить это, необходимо рассмотреть понятие «насилие» в отношении к человеку.

Существующее в бытовом употреблении и в юридической науке многообразие смыслов, вкладываемых в это понятие, может быть, без существенного ущерба для понимания, сведено к двум основным смыслам, между которыми, как мы увидим, имеется достаточно существенное различие.

- (1) Насилие, под которым понимается применения силы или принуждения в отношении некой личности, с целью помешать ей нечто делать, принудить ее нечто делать, или как-либо иначе воздействовать на нее. По сути, в этом случае речь идет о каком-либо действии в отношении человека или о принуждении его к чему-либо, совершаемом против его воли.
- (2) Насилие в более узком и явственно негативном смысле слова. Под «насилием», в этом случае, понимается не просто насильственное действие в отношении человека или принуждение его к чему-либо, но и причинение ему в связи с этими действиями вреда. Именно эти виды насилия, как правило, в силу своей общественной опасности, связанной с причинением вреда, запрещаются на правовом уровне, а их использование нередко влечет уголовное преследование.

Нетрудно заметить существенную разницу между двумя этими смыслами. Насилие в более узком смысле слова – является, несомненно, сугубо негативным явлением, осуждаемым и с общественной, и с правовой точки зрения. Между тем, насилие в первом, широком смысле слова, вовсе не может быть осуждено как таковое и не должно подлежать полному искоренению.

Можно привести многочисленные примеры действий, как со стороны государства, так и со стороны частных лиц, подпадающие под понятие «насилие» в первом, широком смысле, но вовсе не

⁵³ <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/crc/Rcrcomm8.html>

являющихся общественно опасными. Более того, в ряде случаев они являются необходимыми для общества.

Так, несомненным «насилием» в первом, широком смысле слова, являются:

- действия государства, взыскивающего налоги и сборы в случае, когда человек не желает их уплачивать;
- действия правоохранительных органов, берущих под стражу правонарушителя;
- принуждение человека к отбыванию наказания в виде лишения свободы по решению суда;
- оборонительные действия национальной армии, направленные на защиту независимости и безопасности государства от действий внешнего агрессора;
- действия человека, совершаемые при необходимой самообороне;
- действия врача (например, стоматолога), подвергающего ребенка лечению по решению его родителей, когда ребенок этого не хочет;
- требование получения ребенком обязательного общего образования в случае, если ребенок не желает учиться.

Можно привести множество других примеров, но и этого перечня достаточно для того, чтобы с уверенностью сказать – насилие как таковое может рассматриваться как относительно нейтральное понятие⁵⁴. Существуют ситуации, в которых применение насилия является оправданным и даже желательным. Все приведенные ситуации объединяет одно – насилие применяется в нем в целях, направленных на благо конкретной личности или общества в целом.

На протяжении всей истории человечества различные формы умеренного «воспитательного насилия» (к которым, наряду с принуждением к учебе, иной полезной деятельности, входили и меры, направленные на ограждение ребенка от дурных или опасных поступков, в том числе различные формы воспитательного наказания) традиционно рассматривались именно в этом контексте, т.е. как «позитивные» формы насилия, применение которых необходимо для блага как отдельной личности, так и всего общества.

Совершенно иной характер носит насилие во втором, узком смысле слова. Такое насилие либо совершается в дурных целях, либо несоразмерно и несоответственно благим целям, на достижение которых направлено. Отличительным признаком такого, преступного, насилия является или его направленность на причинение другому человеку вреда, или фактическое причинение вреда в результате его неоправданного применения. Именно связь с причинением вреда делает насилие

⁵⁴ Следует, собственно, отметить, что государственное «правомерное» насилие признается в современном праве прав человека необходимым. Так, «принудительные меры, конституционные по сути и процедуре, а также наказания в виде лишения свободы за совершенное преступление, очевидно сопряженные с необходимостью принуждаемого <...> претерпеть страдания физического и морального порядка <...>, сами по себе – в силу презумпции их конституционной соразмерности и справедливости – не могут считаться унижающими человеческое достоинство» (Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.Д.Зорькина, Л.В. Лазарева. – М.: Эксмо, 2009, с. 224-225). Остается непонятным, почему, при оценке карательно-«воспитательного» государственного насилия мы исходим из презумпции его соразмерности и справедливости, а при оценке воспитательного «насилия» со стороны родителей в семье – фактически, из презумпции его злонамеренности и несправедливости, при том, что, как будет показано ниже, нет веских оснований считать такое «насилие» опасным или вредным. Это представляется несправедливым и не учитывает естественное положение семьи как социума, до некоторой степени автономного в своей внутренней жизни.

в этом, втором смысле, угрозой для общества – и именно по этой причине оно подлежит правовому запрету, а осуществляющие его лица – правовому преследованию.

Рассматривая вопрос о том, является ли применение умеренных воспитательных телесных наказаний по отношению к ребенку «насилием», необходимо учитывать существование этих двух различных понятий насилия – нейтрально-общего и общественно опасного. Телесное наказание, вне всякого сомнения, в большинстве случаев является насилием в первом, нейтральном смысле.

Однако для того, чтобы его можно было отнести к насилию во втором, связанном с общественной опасностью, смысле, необходимо установить его неразрывную связь с причинением вреда личности или обществу, т.е., собственно, его общественную опасность.

Однако, как будет подробно показано ниже, как утверждения о том, что использование в воспитательных целях умеренных телесных наказаний наносит вред ребенку, так и утверждения об общественной опасности их использования не имеют веских, серьезных и достаточных подтверждений. Это означает, что вред от телесных наказаний не доказан и не установлен, и считаться насилием в узком, связанном с общественной опасностью, смысле, они не могут.

Фактически, утверждения сторонников запрета телесных наказаний о том, что они являются опасным насилием, основаны на их личном мнении и голословны. Это оценка остается, на наш взгляд, верной, даже если соответствующие утверждения исходят от имеющих официальный статус сообществ – таких, как Парламентская Ассамблея Совета Европы или Комитет ООН по правам ребенка. В международном праве не существует норм, дающим мнениям этих сообществ силу обязывающей юридической нормы. С нашей точки зрения, давление, оказываемое на различные государства на основании подобных мнений, является, по существу, неправомерным вмешательством в сферу их национального суверенитета.

Стоит отметить, что даже в работах сторонников внедрения ювенальных технологий, посвященных «насилию в семье», можно найти определения насилия, которые являются относительно адекватными. Так, в работе Е. И. Цымбала «Жестокое обращение с детьми: причины, проявления, последствия», выпущенной Фондом НАН в 2010 г. (Серия «Работа с детьми группы риска». Выпуск №18), дается следующее определение:

«Таким образом, физическим насилием является умышленное причинение ребенку телесных повреждений, а также любое иное использование физической силы (причинение боли, лишение свободы, понуждение к употреблению психоактивных веществ и др.), которое причиняет ущерб его физическому или психическому здоровью, нарушает нормальное развитие или создает реальный риск возникновения таких нарушений. Физическое насилие может проявляться в форме бездействия, когда ребенок умышленно оставляется в опасной или неблагоприятной обстановке. (Прим: Под реальным риском возникновения нарушений физического или психического развития понимаются те случаи, когда указанные негативные последствия не возникли благодаря оказанию ребенку необходимой медицинской и психологической помощи)»⁵⁵.

Данному определению (в частности, второй его части, касающейся бездействия) свойственна, на наш взгляд, опасная расплывчатость, дающая возможность для чрезмерной широты усмотрения и

⁵⁵ Серия «Работа с детьми группы риска». Выпуск №18. "Жестокое обращение с детьми: причины, проявления, последствия" / Е.И. Цымбал, (изд. 2-е исп. и доп.). – РБФ НАН, 2010. с. 35-36.

злоупотреблений в практике его применения, что не позволяет признать его вполне адекватным. Тем не менее, является очевидным (с учетом приводимых нами далее данных), что применение умеренных воспитательных телесных наказаний к ребенку в семье под него не подпадает.

«Унижение»

Еще один аргумент сторонников запрета телесных наказаний детей состоит в том, что они должны быть искоренены, так как унижают человеческое достоинство. Именно такой позиции придерживается Комитет ООН по правам ребенка, который в п. 11 «Замечания общего порядка 8» указывает:

«По мнению Комитета, телесные наказания в любом случае являются унижительными»⁵⁶.

Эта точка зрения, очевидно, принимается за основу и в Рекомендации 1666 (2004) Парламентской Ассамблеи Совета Европы⁵⁷. Однако, постоянно декларируя эту точку зрения, влиятельные лоббисты запрета телесных наказаний детей не приводят никаких веских обоснований ее справедливости. Фактически, по нашему мнению, речь идет о навязывании этой точки зрения обществу в качестве «очевидной».

Для того, чтобы выяснить, справедлива ли эта точка зрения, необходимо проанализировать связанные с ней возможные аргументы.

Обратим сперва внимание на само понятие «унизить» и на его общепринятое значение. Малый академический словарь русского языка⁵⁸ дает значение «1. Действие по знач. глаг. «унизить – унижать» <...>. 2. То, что умаляет, оскорбляет достоинство кого-либо». Глагол «унизить», в свою очередь определяется следующим образом: «Задеть, оскорбить чье-л. самолюбие, достоинство, поставить в унижительное положение».

Таким образом, говоря об «унижении», мы имеем в виду принижение, умаление достоинства человека. Каковы же основания для того, чтобы считать унижительным воспитательное применение телесных наказаний в семье?

Таких оснований может быть несколько:

До некоторой степени унижительным является любое принудительное воздействие и ограничение свободы. Принуждение человека делать что-то, чего он не хочет, может задевать его самолюбие. Однако, говоря об искоренении унижения, мы явно не имеем в виду подобные ситуации (этот вопрос уже был достаточно рассмотрен нами при рассмотрении понятия «насилие»).

До некоторой степени, является «унижительным» любое наказание. Это, однако, связано не с унижительностью процесса наказания, как такового, а с тем, что наказание как бы обнажает и символизирует вину, недостойность, связанное с дурными или виновными действиями человека (будь то наказание преступника государством, или наказание в семье за проступок). Причиной того, что

⁵⁶ <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/crc/Rcrcomm8.html>

⁵⁷ [http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/\[Russian_documents\]/\[2004\]/\[June_2004\]/Rec.-1666-Rus.asp](http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/[Russian_documents]/[2004]/[June_2004]/Rec.-1666-Rus.asp)

⁵⁸ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

человек воспринимает ситуацию как унижение, является именно факт его виновности, а не наказание как таковое.

В этой ситуации, безусловно, может считаться унижительным (скорее в этическом, чем в юридическом смысле) несправедливое или явно несоразмерное наказание⁵⁹.

Следует отметить тот факт, что в практике международного права прав человека признается, что унижительным, в той или иной мере, является любое наказание, но из этого еще не следует, что его можно признать «унижающим достоинство» и, в силу этого, недопустимым. Этому аспекту оценки наказаний как таковых в практике международного права прав человека внимание было уделено в контексте рассмотрения уголовного наказания, однако ничто не препятствует более общей применимости соответствующих выводов:

«<...> как признает Европейский Суд, уголовному наказанию по определению присущ элемент платы (кары) за содеянное и “было бы абсурдным утверждать, что любое наказание, по причине унижительного аспекта, который обычно присутствует и почти неизбежен, приобретает характер унижающего достоинство”»⁶⁰.

Однако по какой же причине именно телесное наказание может считаться унижительным, в отличие от других видов наказаний (скажем, от «моральных»)?

Представление об унижительности телесного наказания при применении его к взрослым гражданам обусловлено культурно-историческими фактами. Так, в римском обществе, а впоследствии и в различных европейских социумах (включая и российский), телесное наказание применялось по отношению к детям и рабам (лично несвободным), т.е. к людям, находящимся в серьезной зависимости от родителя или рабовладельца. По этой причине применение телесных наказаний по отношению к сознательным, зрелым и свободным гражданам стало восприниматься как акт унижения. Такое наказание было актом умаления статуса взрослого человека, через приравнивание его к рабу (несвободному в силу статуса) или ребенку (зависимому в силу неполной зрелости). Можно вполне согласиться, что насильственное применение телесных наказаний в отношении взрослых людей, в этом смысле, правомерно считается унижительным.

Вместе с тем, применение телесных наказаний к детям никогда не воспринималось как унижительное, будучи связано с их личностной незрелостью и естественной зависимостью от своих родителей и воспитателей. Такая зависимость, в силу своей естественности, никоим образом не может и не должна восприниматься как унижительная – напротив, признание полной независимости за ребенком, несмотря на его незрелость, было бы опасным и неправомерным действием. Вопреки расхожим штампам, применение телесных наказаний по отношению к ребенку вовсе не было следствием отношения к нему как к «собственности» родителей, ни в древности, ни в более позднем европейском и российском обществе. Напротив, право родителей на телесное наказание детей воспринималось как проявление их особой близости с детьми, признания особого статуса своих детей. Это вполне очевидно уже из библейского дискурса, легшего в основание европей-

⁵⁹ Так, мы склонны считать унижением родительского достоинства уголовное преследование родителей за шлепки и иные умеренные воспитательные наказания детей.

⁶⁰ Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.Д.Зорькина, Л.В. Лазарева. – М.: Эксмо, 2009, с. 226

ской и российской культуры. Так, в новозаветном послании св. ап. Павла к Евреям (12, 7-8), апостол учит, что наказание является выражением родственного притяжения:

«Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает. Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны».

Очевидно, таким образом, что использование телесных наказаний по отношению к ребенку в христианской культуре имело несколько иной оттенок, чем применение его по отношению к лично несвободному человеку. Именно это, второе, могло бы быть оскорбительным по отношению к свободному (а значит, в отношении каждого человека, с момента отмены рабства). Однако использование телесного наказания родителем (или тем, кто его заменяет) в отношении ребенка такого умаляющего, оскорбительного характера не носит.

Фактически, с культурно-исторической точки зрения утверждение, что телесные наказания детей унижительны, означает, что унижительно допускать обращение с детьми, как с детьми. Для такого утверждения не существует культурно-исторических оснований.

Иногда говорится, что телесное наказание носит несколько интимный характер и поэтому является унижительным. Речь идет о том, что, в некоторых случаях, телесному наказанию может предшествовать «обнажение мягкого места». Однако, ни интимность, ни нагота, сами по себе унижительными быть признаны не могут. Родители естественным образом имеют дело с детской наготой и нормальный ребенок не чувствует себя в этой связи унижаемым. Интимный, телесный контакт между родителем и ребенком также является достаточно естественным и, если не посягает на сексуальную неприкосновенность ребенка, не может считаться унижающим его человеческое достоинство. Не вполне понятно, почему «обнажение мягкого места» для наказания должно оцениваться как более унижительное, чем, скажем, обнажение его для укола при лечении у врача. Кроме того, «обнажение мягкого места» для наказания вовсе не всегда сопровождает телесные наказания и не связано с ними неразрывно. В любом случае, нет оснований видеть в этом моменте что-либо унижительное по своей природе.

По какой же причине утверждается, что телесные наказания более унижительны, чем иные, пока допустимые виды воспитательных наказаний?

По нашему мнению, это восприятие связано с тем, что в современном обществе пропагандируется особое отношение к телесной составляющей человека как к высшей и абсолютной ценности. Утверждение об унижительности телесного наказания подспудно связано с идеей о том, что «никто не должен иметь право что-либо делать с моим телом». Однако это, чисто эмоциональное, отношение не является общепринятым в обществе. Скажем, представители большинства традиционных религиозных общин считают тело важной, но не наиболее значимой ценностью для человеческой личности, и считают, что достоинство личности оскорбляется, прежде всего, нарушением телесного целомудрия и неправильным использованием сексуальности, а не какими-либо иным воздействиями на тело. С точки зрения традиционных религиозных учений отношение к телу как к наивысшей ценности (и связанное с этим восприятие телесного наказания как особо унижительного) не выдерживает критики. Было бы неправомерно насильственно навязывать представителям этих общин и их детям иные взгляды.

Наконец, восприятие телесного наказания как унижительного на практике сегодня оказывается связано с еще одним фактором: с агрессивным насаждением в последние годы в обществе мнения о его неправильности, недопустимости и унижительности. Иными словами, дети и взрослые начинают нередко воспринимать телесные наказания как унижение именно потому, что их так научили сторонники соответствующих идей (в т.ч. через средства массовой информации), без каких-либо иных оснований. В ситуации, когда право родителей на использование телесных наказаний при воспитании не оспаривалось и, именно как право (вовсе не обязательно применяемое), признавалось обществом нормой, восприятие телесного наказания как особо унижительного не было распространено⁶¹.

Парадоксальным образом, именно сторонники запрета телесных наказаний, своей пропагандой, создают ситуацию, когда в части общества такие наказания действительно начинают восприниматься (в т.ч. детьми), как унижительные. Ситуация коммуникации выглядит, в данном случае, так: «Мы научили вас считать телесные наказания унижительными, поэтому они унижительны и их надо запретить». В этой ситуации, по сути, вполне правомерно говорить о недобросовестной манипуляции общественным сознанием для достижения поставленной цели - законодательного запрета телесных наказаний (и связанной с ним их криминализации, тотального контроля в отношении воспитательных действий родителей). Несмотря на усилия по созданию такой ситуации, как российское общество, так и общественность зарубежных стран, как будет показано ниже, вовсе не склонна принимать навязываемую ей точку зрения на «унижительность и недопустимость телесных наказаний».

Как и в случае с оценкой телесных наказаний детей как «преступного насилия», необходимо признать, что оценка их как унижительных по своей природе является ни на чем не основанной, голословной декларацией сторонников их запрета. Речь идет не о факте, а лишь о мнении определенных групп, не представляющих большинства общественности тех или иных стран и, на наш взгляд, неоправданно злоупотребляющих своим авторитетом. Как и в случае с определением телесных наказаний как «насилия», давление, оказываемое на различные государства на основании подобных мнений, является, по существу, неправомерным вмешательством в сферу их национального суверенитета⁶².

⁶¹ Мы не рассматриваем здесь случаи особой чувствительности или специфического восприятия отдельных людей, поскольку такое восприятие может затрагивать любые сферы жизни. Так, некоторые дети чувствуют себя униженными, выходя для ответа урока к доске, получая плохие оценки в школе и т.п., но это, очевидным образом, не может служить основанием для изменения критериев допустимости той или иной практики.

⁶² Примеры подобного вмешательства в разных областях весьма многочисленны. Фактически, в течение последнего времени были постепенно созданы и внедрены в практику, без явного одобрения народами различных государств, новые способы существования международного права. Речь идет о ситуациях, когда государство, совершенно неожиданно, обнаруживает себя связанным новым международным «обязательством», которого, фактически, не принимало. Вместо уполномоченных представителей государств, международные правовые нормы создаются узкими группами «независимых» (т.е. действующих не в интересах народов конкретных государств) экспертов, которые затем, используя специфические международные механизмы, насильственно навязывают их независимым государствам, фактически, нарушая их национальный суверенитет. Эта ситуация ставит вопрос о правомерности дальнейшего функционирования международной правовой системы в подобном режиме и заставляет думать о необходимости пересмотра и изменения формата ее существования.

Существуют и веские правовые аргументы в пользу мнения о том, что умеренное применение телесных наказаний в семье не может считаться унижительным по отношению к ребенку. Эти аргументы будут рассмотрены ниже, при анализе Конвенции ООН о правах ребенка и решений Европейского Суда по правам человека.

Правовой аспект

Еще один аргумент, которым часто оперируют сторонники запрета телесных наказаний детей в семье – юридический. Так, напомним, Павел Астахов в интервью газете «Известия» говорил:

«Европейский суд по правам человека слушал дела Швеции, Великобритании, Голландии. И он однозначно запрещает любое насилие над детьми и даже перечисляет: шлепки рукой, тапочкой, линейкой, тычки, обязанность ребенка стоять в неудобной позе и многое другое. Это ответ на нормы, которые пытались принять в той же Великобритании: "допускается некое рукоприкладство, когда оно соразмерно, адекватно, в определенных ситуациях".

<...>

и: Шлепок может быть основанием для изъятия ребенка из семьи?

Астахов: Если он обидный, болезненный - это основание не для изъятия, для контроля. Это действие вне закона»⁶³.

А в своем докладе на Ежегодном лектории в Детском правовом центре (том самом, которым, в начале своей деятельности, руководил Питер Ньюэлл) комиссар Совета Европы по правам человека (и старый соратник Питера Ньюэлла) Томас Хаммарберг указывал:

«Международные и Европейские стандарты единодушны в этом вопросе. Конвенция о Правах Ребенка, Прецедентное Право Европейского Суда по Правам Человека и Европейский Комитет по Общественным Правам четко запрещают применение телесных наказаний как в школах, в обществе, так и дома»⁶⁴.

Рассмотрим, насколько справедлив подобный аргумент и действительно ли обязывающие международные правовые акты и российское законодательство сегодня запрещают телесные наказания детей.

Конвенция о правах ребенка

Конвенция ООН о правах ребенка⁶⁵ была принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. Подписание Конвенции началось 26 января 1990 г. Конвенция вступила в силу 2 сентября 1990 года (после ратификации ее двадцатью государствами). СССР ратифицировал Конвенцию 13 июня 1990 года.

Прежде всего, необходимо отметить, что в Конвенции прямо ничего не говорится о телесных наказаниях детей в семье. Это прямо подтверждается уже упоминавшимся нами выше официальным документом Комитета ООН по правам ребенка «Замечание общего порядка 8» (CRC/C/GC/8), изданным в 2006 г. Так, в п. 20 «Замечания общего порядка 8» указывается (выделение наше):

«Ход работы по подготовке Конвенции не содержит свидетельств о каких-либо дискуссиях по вопросу о телесных наказаниях, которые проводились бы во время подготовительных сессий»⁶⁶.

Несмотря на это, Комитет в 2006 году увязывает необходимость запрета телесных наказаний детей (в том числе в семье) с тремя статьями конвенции: ст. ст. 19, 28 п. 2 и 37.

⁶³ <http://www.izvestia.ru/news/357721>

⁶⁴ <http://juvenile.org/index.php?showtopic=908>

⁶⁵ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml

⁶⁶ <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/crc/Rcrcomm8.html>

Ст. 19 п. 1 Конвенции устанавливает:

«Государства-участники принимают все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительские меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке».

Ст. 28 п. 2 Конвенции устанавливает:

«Государства-участники принимают все необходимые меры для обеспечения того, чтобы школьная дисциплина поддерживалась с помощью методов, отражающих уважение человеческого достоинства ребенка и в соответствии с настоящей Конвенцией».

Наконец, ст. 37 Конвенции устанавливает:

«Государства-участники обеспечивают, чтобы:

а) ни один ребенок не был подвергнут пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания. <...>».

Как можно видеть, все эти статьи касаются запрета насилия, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, нарушения человеческого достоинства ребенка.

Выше было показано, что отнесение умеренных телесных наказаний в семье к этим категориям не имеет под собой никаких веских оснований, кроме мнений и деклараций конкретных групп людей и сообществ (в частности, Комитета ООН по правам ребенка). Ниже будет показано, что на уровне европейского международного права существуют веские правовые основания не относить умеренные телесные наказания детей в семье к «жестокому, бесчеловечному и унижающему достоинство» виду обращения.

В «Замечании общего порядка 8», как было показано, Комитет ООН по правам ребенка фактически признал, что, принимая Конвенцию, государства-участники не рассматривали вопрос о телесных наказаниях. Однако этот факт оказывается для Комитета помехой в деле запрета телесных наказаний на основании Конвенции. Вот как изящно Комитет решает эту задачу:

«20. В статье 19 и пункте 2 статьи 28 речь прямо не идет о телесных наказаниях. Ход работы по подготовке Конвенции не содержит свидетельств о каких-либо дискуссиях по вопросу о телесных наказаниях, которые проводились бы во время подготовительных сессий. Но Конвенцию, как и все правозащитные документы, необходимо рассматривать в качестве живого документа, толкование которого со временем развивается. За прошедшие после принятия Конвенции 17 лет в рамках процесса отчетности по Конвенции и с помощью исследований и деятельности, в частности, национальных правозащитных организаций и неправительственных организаций (НПО), стала более очевидной распространенность телесных наказаний детей дома, в школах и других учреждениях.

21. Как только эта практика становится очевидной, ясно, что она прямо противоречит равным и неотъемлемым правам детей на уважение их человеческого достоинства и физической неприкосновенности. Особый характер детей, их изначально зависимое положение, характеризующееся развитием, их уникальный человеческий потенциал, а также их уязвимость - все это нуждается в большей, а не меньшей, правовой и иной защите от всех форм насилия.

22. Комитет подчеркивает, что ликвидация насильственных и унижительных наказаний детей с помощью реформы законов и принятия других необходимых мер является непосредственной и безоговорочной обязанностью государств-участников. <...>».

Для тех, кто не понял, каким образом то, о чем не говорилось в Конвенции, внезапно стало обязанностью государств-участников, поясню. При создании Конвенции никто не имел в виду запрет телесных наказаний. По мнению Комитета этот факт связан с тем, что никто из стран-участников... не знал, что телесные наказания детей достаточно широко используются в воспитательной практике. Но это не беда. Конвенция – живой документ, что, по мнению Комитета, дает ему право истолковать ее так, как он захочет. Что он и делает, заявляя, что отныне все государства-участники обязаны изменить свое законодательство, запретив телесные наказания детей.

Для здравомыслящего человека этот ход мысли кажется поразительным. На самом деле он еще более удивителен, чем кажется на первый взгляд. Дело в том, что ни из каких актов международного права не следует право Комитета поступать таким образом.

В соответствии с Конвенцией (ст. 43) Комитет – это создаваемое в связи с Конвенцией сообщество экспертов, «обладающих высокими нравственными качествами и признанной компетентностью». Эти эксперты независимы, т.е., хотя и выбираются государствами-участниками, действуют сами по себе. Конвенция исчерпывающе определяет полномочия Комитета в ст.ст. 44-45. Государства-участники обязаны представлять Комитету доклады о принятых ими мерах по исполнению Конвенции, а Комитет может запрашивать у них дополнительную информацию. Комитет вправе предлагать другим учреждениям ООН представить ему заключения экспертов в соответствующих областях. Он вправе также предложить ООН провести специализированные исследования в сфере своей компетенции. Однако, нигде в тексте Конвенции не предусмотрено право Комитета давать Конвенции свои толкования, обязывающие для стран-участников, а тем более – вводить, под видом толкования, фактически, новую норму международного права и требовать от государств-участников изменить национальное законодательство в соответствии с нею.

Самое близкое по содержанию к этим беспрецедентным полномочиям право Комитета, предусмотренное Конвенцией, таково (ст. 45 п. «d»):

«Комитет может вносить предложения и рекомендации общего характера, основанные на информации, получаемой в соответствии со статьями 44 и 45 настоящей Конвенции. Такие предложения и рекомендации общего характера препровождаются любому заинтересованному государству-участнику и сообщаются Генеральной Ассамблее наряду с замечаниями государств-участников, если таковые имеются».

Иными словами, у Комитета ООН по правам ребенка нет основанных на актах международного права полномочий давать Конвенции о правах ребенка обязывающие толкования, вводить под видом этих толкований новые нормы права и требовать от государств-участников их соблюдения⁶⁷. Как представляется, поступая таким образом, Комитет, безусловно, выходит за границы

⁶⁷ Характерно, что это мнение разделяют, в том числе, и маститые специалисты в области права. Так профессор права Квинслендского университета (Австралия) Джеймс Аллан опубликовал статью в газете *The Australian* от 18 июня 2010 г., в которой делает вывод о том, что Конвенция о правах ребенка не требует запрета телесных наказаний и жестко критикует Комитет ООН по правам ребенка за попытку требовать такого запрета. Профессор Аллан указывает на недемократичный и странный характер деятельности Комитета:

своих полномочий. Удивительно, что государства-участники безропотно терпят это и позволяют ему вторгаться в пределы своего законодательного суверенитета⁶⁸.

Таким образом, документ Комитета носит сугубо рекомендательный характер и не может вводить новые нормы международного права или давать обязывающее толкование старым.

Однако ситуация оказывается еще более интересной, поскольку существуют крайне серьезные основания считать толкование Конвенции, приведенное в «Замечании общего порядка 8», неприемлемым, поскольку оно противоречит имеющим юридическое значение в связи с Конвенцией документам.

В практике международного права, при толковании международных договоров применяются, в частности, положения Венской конвенции о праве международных договоров (1969)⁶⁹. В соответствии со ст. 31 п. 2 этой конвенции: «Для целей толкования договора контекст охватывает <...> любой документ, составленный одним или несколькими участниками в связи с заключением договора и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору».

Подписывая те или иные международные договоры, либо присоединяясь к ним, государства-участники нередко делают как оговорки (не принимая для себя те или иные нормы договора), так и иные заявления – в частности о том, как они понимают текст договора. Очевидно, что, если другие государства-участники не возражают против сделанного заявления, они считают, что это понимание приемлемо и соответствует смыслу договора. Таким образом, оно далее должно учитываться при толковании договора.

Присоединяясь к Конвенции о правах ребенка в 1995 году, Республика Сингапур сделала следующее заявление о своем понимании текста Конвенции (не оговорку):

«Республика Сингапур считает, что статьи 19 и 37 Конвенции не запрещают <...> благоразумное применение телесных наказаний в наилучших интересах ребенка»⁷⁰.

*«Может быть, вам будет интересно узнать не только то, что членство в этих комитетах невероятно недемократично и в них преобладает влияние стран, от которых вы бы не приняли никаких моральных советов, даже если бы ваша жизнь зависела от этого, но и то, что Комитет по правам ребенка постоянно утверждает, что семейные телесные наказания нарушают конвенцию – не взирая ни на законодательную историю, ни на намерения стран, подписавших ее. Так должно это быть решающим фактом или нет? Будем ли мы полагаться на этот клоунский Комитет ООН (Mickey Mouse UN committee?)» (Allan J., McClelland smuggles UN rights standards in the back door, *The Australian*, 18 June, 2010).*

⁶⁸ Между тем, это не единственный случай. Так, Комитет не раз, фактически, требовал у государств-участников изменить структуру национального бюджета. В 2006 году он оказывал давление на Ирландию в вопросах сексуального воспитания детей: «Отмечая, что социальное и личное образование, образование по вопросам здоровья включено в программу средней школы, Комитет, однако, обеспокоен тем фактом, что подростки не имеют достаточного доступа к необходимой информации о репродуктивном здоровье. Образование в этих вопросах не является обязательным, и родители могут отказываться от него в отношении своих детей» (Paragraph 52, Concluding Observations of the Committee on the Rights of the Child: Ireland, Committee on the Rights of the Child, 43rd sess., U.N. Doc. CRC/C/IRL/CO/2 (2006), выделение наше). Однако эти требования выражались все же, в этих случаях, в форме весьма настойчивых рекомендаций, а не в столь безапелляционном виде.

⁶⁹ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml

⁷⁰ http://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-11&chapter=4&lang=en

Таким образом, в 1995 году все государства-участники Конвенции, не возразившие на это заявление Республики Сингапур, признали, что Конвенция не запрещает благоразумное применение телесных наказаний в наилучших интересах ребенка, и это понимание должно учитываться при дальнейшем толковании Конвенции.

Таким образом, можно утверждать следующее:

- Конвенция ООН о правах ребенка не запрещает умеренное применение телесных наказаний детей в воспитательных целях (что прямо следует из согласия государств-участников с заявлением Республики Сингапур в 1995 году);
- толкование, которое дал Конвенции в «Замечании общего порядка 8» Комитет ООН по правам ребенка, не имеет веских оснований и противоречит существующему контексту, который необходимо учитывать при толковании Конвенции;
- имеет веские основания оценка, согласно которой Комитет ООН по правам ребенка вышел за пределы своих полномочий, давая Конвенции фактически обязывающее толкование, не следующее из ее первоначального содержания и контекста, и утверждая, что следование этому толкованию является обязанностью государств-участников Конвенции.

Иными словами, утверждение о том, что Конвенция ООН о правах ребенка запрещает применение умеренных телесных наказаний в семье, не соответствует действительности⁷¹.

Решения Европейского суда по правам человека

Следующий вопрос, которому необходимо уделить внимание – это вопрос о том, запрещены ли телесные наказания решениями Европейского суда по правам человека.

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) рассматривает дела о нарушениях Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁷², по которым заявители не смогли получить адекватную правовую защиту на национальном уровне. Отношение к ЕСПЧ в российском обществе является неоднозначным, многие его решения вызывают серьезные вопросы. Иногда может создаться впечатление, что практика ЕСПЧ и его позиции слишком легко меняются под воздействием «организованного общественного мнения» и различных европейских лоббистских групп активистов. Тем не менее, его решения имеют серьезное юридическое значение.

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ратифицирована Россией в 1998 г.), ст. 32, наделяет ЕСПЧ полномочиями по обязывающему толкованию норм Конвенции в конкретных делах.

Следует иметь в виду, что, в соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «<...> как и Конвенция о защите прав человека и основных свобод, решения Европейского Суда по правам человека - в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Кон-

⁷¹ Более подробно о неправомерных действиях Комитета ООН по правам ребенка смотри наш доклад: *Ultra Vires. Неправомочные действия Комитета ООН по правам ребенка (2014)*: <http://www.familypolicy.ru/rep/int-14-055.pdf>

⁷² <http://www.echr.ru/convention/index.htm>

венции прав и свобод, <...> являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права». В силу ст. 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде РФ» решения Конституционного Суда «обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений».

Иными словами, решения ЕСПЧ, в части толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод, являются для России обязывающими правовыми нормами, что делает его позиции куда более юридически значимыми, чем рекомендательные мнения Комитета ООН по правам ребенка.

Можно однозначно сказать, что в своем уже цитированном интервью Павел Астахов допускает ошибку, делая следующее утверждение: «Европейский суд по правам человека слушал дела Швеции, Великобритании, Голландии. И он однозначно запрещает любое насилие над детьми и даже перечисляет: шлепки рукой, тапочкой, линейкой, тычки, обязанность ребенка стоять в неудобной позе и многое другое». Нетрудно убедиться, что Уполномоченный по правам ребенка при Президенте РФ (или записывавший его слова журналист) путает здесь решения ЕСПЧ и позицию Комитета ООН по правам ребенка. В решениях ЕСПЧ, существующих на сегодняшний день, отсутствуют подобные позиции и утверждения.

Каковы же действительные позиции ЕСПЧ по вопросу о телесных наказаниях, отраженные в его решениях (вне зависимости от оценки убедительности этих позиций)?

Прежде всего, следует указать на важнейший факт: на сегодняшний день не существует решений ЕСПЧ, однозначно запрещающих телесные наказания детей и рассматривающих их в качестве нарушения прав человека.

Каждое дело, затрагивающее проблему телесного наказания детей, попадающее в поле его ведения, ЕСПЧ рассматривает индивидуальным образом.

Сторонники запрета телесных наказаний детей, в обоснование своих взглядов, регулярно ссылаются, в частности, на следующие прецеденты ЕСПЧ: Тайрер против Соединенного Королевства (App. No 5856/72, решение от 25.04.1978 г.), Семь физических лиц против Швеции (8811/79, решение о недопустимости жалобы от 13.05.1982 г.), А. против Соединенного Королевства (100/1997/884/1096, решение от 23.09.1998 г.).

Однако все эти прецеденты не дают никаких оснований говорить о запрете телесных наказаний в семье со стороны ЕСПЧ.

В деле «Тайрер против Соединенного Королевства», 15-летний подросток с острова Мэн был высечен розгами по решению местного ювенального суда. В своем решении ЕСПЧ рассматривает вопрос о том, противоречит ли эта ситуация ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в соответствии с которой «никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

Со ссылкой на свою предыдущую прецедентную практику, ЕСПЧ указывает в своем решении (п. 29), что для того, чтобы наказание было признано «бесчеловечным», оно должно причинять определенный серьезный уровень страданий, который определяется индивидуально, с учетом особенностей конкретной личности. ЕСПЧ не находит оснований для того, чтобы признать наказание, полученное Тайрером «бесчеловечным». ЕСПЧ также указывает, что для того, чтобы наказание было признано «унижающим достоинство», оно также должно включать такую меру унижения, которая превосходит определенный уровень. Рассматривая конкретные обстоятельства дела, суда признает полученное Тайрером наказание «унижающим достоинство». Таким образом, в этом решении ЕСПЧ оценивает конкретную ситуацию и не высказывает суждений о допустимости телесных наказаний детей как таковых.

В деле «Семь физических лиц против Швеции», ЕСПЧ отказал в принятии жалобы от семи шведских христиан, по мнению которых только что произошедшее принятие в Швеции законодательного запрета на применение телесных наказаний к детям нарушило их право на воспитание детей в соответствии со своими религиозными взглядами (ст. 2 Первого дополнительного протокола к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод). На этом основании противники телесных наказаний делают вывод, что права христиан, настаивающих на праве наказывать своих детей, не нарушаются, когда телесные наказания детей законодательно запрещаются.

Однако это неверный вывод и он не следует из решения ЕСПЧ. Для того, чтобы понять это, достаточно обратить внимание на обоснование отказа в принятии этой жалобы. Правительство Швеции обратило внимание ЕСПЧ на тот факт, что этот запрет, на тот момент, не сопровождался никакими санкциями, связанными с его нарушениями. Иными словами, лишь серьезное насилие по отношению к детям могло повести к юридическому преследованию родителей, а легкие телесные наказания, хотя и были формальным нарушением закона, однако, не вызывали каких-либо значимых правовых последствий. Таким образом, реализуя свои убеждения на практике, родители не столкнулись бы, с учетом шведской правовой ситуации на тот момент, с какими-либо практическими последствиями. Именно с учетом этого факта ЕСПЧ принял решение о том, что не усматривает нарушения прав заявителей со стороны шведских государственных властей.

Наконец, дело «А. против Соединенного Королевства» во многом напоминает аналогичное дело Тайрера. Девятилетний мальчик был наказан своим отчимом, который серьезно высек его тростью, так что на следующий день, при осмотре педиатром, на его ягодицах были сильные синяки. Врач при осмотре установил, что его многократно ударили тростью «со значительной силой». Местный суд установил, что мальчик отличался крайне плохим поведением и трудновоспитуемостью, и счел, что наказание не превысило разумных пределов. Активисты борьбы за права детей использовали эту ситуацию, чтобы создать новый прецедент рассмотрения ЕСПЧ дела о телесных наказаниях.

Однако и в этом решении ЕСПЧ не содержится никаких утверждений о допустимости или недопустимости телесных наказаний детей как таковых. Сославшись на свою обычную прецедентную практику, в соответствии с которой, чтобы считаться «бесчеловечным», наказание должно превысить некий «уровень суровости», ЕСПЧ, рассмотрев обстоятельства конкретного дела, пришел к выводу, что этот уровень был превышен в случае серьезно избитого девятилетнего ребенка.

Мнение о том, что ЕСПЧ считает недопустимыми любые телесные наказания детей, явным образом опровергается еще одним прецедентом. Речь идет о **деле «Костелло-Робертс против Соединенного Королевства»** (App No. 13134/87, решение от 25.03.1993). К семилетнему мальчику было применено телесное наказание в школе, которую он посещал. При этом не было учтено, что его родители были противниками телесных наказаний. Жалуясь в ЕСПЧ, они заявили, что считают телесного наказания «унижающим достоинство обращением», нарушающим ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также право на их уважение к их семейной жизни и на воспитание детей в согласии со своими убеждениями. Ссылаясь на свою обычную прецедентную практику, ЕСПЧ указал, что для того, чтобы наказание могло быть сочтено «унижающим достоинство», оно должно превышать определенный индивидуальный «уровень суровости» и, рассмотрев обстоятельства дела, не нашел применение в нем телесного наказания «унижающим достоинство» и противоречащим ст. 3 Конвенции. Что касается права на уважение к частной жизни, то ЕСПЧ счел, что, отдавая ребенка в школу, родители выражали тем самым определенное согласие со школьными методами дисциплины и не усмотрел в наказании нарушения их права на уважение к их семейной жизни.

Таким образом, не существует запрета на применение умеренных телесных наказаний к детям в решениях ЕСПЧ. Более того, решения ЕСПЧ, дающие обязывающее толкование Конвенции о защите прав человека и основных свобод, дают основание уверенно считать, что в соответствии с его практикой:

- не любое телесное наказание ребенка может быть признано бесчеловечным (это следует из решения по делу «Тайрер против Соединенного Королевства»);
- не любое телесное наказание ребенка может быть признано «унижающим достоинство» (это следует из решения по делу «А. против Соединенного Королевства»).

Отметим в последнем случае, что, в отличие от противоположного мнения Комитета ООН по правам ребенка, трактовка ЕСПЧ имеет обязывающую юридическую силу.

Таким образом, утверждение, что решения Европейского Суда по правам человека запрещают умеренные телесные наказания детей, является необоснованным и не подтверждается фактами.

Европейская социальная хартия

В 2009 году Российская Федерация ратифицировала Европейскую социальную хартию (пересмотренную) (принята в 1996 г.)⁷³. Ряд сторонников запрета телесных наказаний детей утверждают, что 17 статья этого документа также запрещает телесные наказания детей.

17 статья Хартии гласит, в частности:

«Для обеспечения эффективной реализации права детей и молодежи расти в среде, которая содействует наиболее полному развитию их личности и их физических и умственных способностей, Стороны обязуются непосредственно либо в сотрудничестве с государственными и частными организациями принять все необходимые меры, направленные на то, чтобы:

⁷³ <http://www.lawru.info/legal2/se11/pravo11019/index.htm>

1. а) обеспечить детям и молодым людям с учетом прав и обязанностей их родителей заботу и помощь, образование и воспитание, в которых они нуждаются, в частности путем создания необходимых для этого служб;
- в) ограждать детей и молодежь от пренебрежения, насилия и эксплуатации;
- с) обеспечивать защитой и специальной государственной помощью детей и подростков, временно или постоянно лишенных родительского попечения; <...>».

Нетрудно убедиться, что Европейская социальная хартия не содержит требования запрета телесных наказаний как такового. Вывод о запрете телесных наказаний этим документом основан не на его тексте, а на толковании этого текста, при котором любые телесные наказания рассматриваются как подлежащее искоренению вредоносное насилие. Между тем, как мы уже указывали, для таких утверждений нет оснований. Иными словами, такое толкование основано, по сути, на подмене понятий.

Интересно отметить, что все решения профильного комитета по соблюдению Европейской Социальной Хартии - Европейского Комитета по социальным правам – которыми было «подтверждено» несуществующее в самой Хартии «обязательство» запрета физических наказаний детей, были приняты по обращениям организации APPROACH⁷⁴ (Association for the Protection of All Children)⁷⁵, которой также руководил осужденный в 2018 году за изнасилование мальчика педофил Питер Ньюэлл⁷⁶.

Таким образом, нет оснований для утверждений о том, что Европейская социальная хартия запрещает умеренные телесные наказания детей в семье.

Из проделанного анализа следует, что на уровне обязывающих документов международного права не существует норм, запрещающих умеренные телесные наказания детей в семье.

Российское право

Сторонники запрета телесных наказаний часто утверждают, что телесные наказания в России уже запрещены и преследуются по закону. Проанализируем российскую правовую ситуацию с тем, чтобы выяснить, является ли такое утверждение обоснованным.

Статья 21 ч. 2 Конституции РФ устанавливает:

«Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию».

Мы уже указывали на то, что отнесение умеренных телесных наказаний к противоправному «насилию» может быть оправданным лишь в случае, если будет установлено, что телесные наказания причиняют вред или влекут за собой общественно опасные последствия. Упомянутое в тексте

⁷⁴ В переводе с английского это аббревиатура может означать «подход» и даже «заигрывание».

⁷⁵ http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/socialcharter/Complaints/CC92Merits_en.pdf
[http://hudoc.esc.coe.int/eng/?i=cc-93-2013-dmerits-en#{"ESCDcIdentifier":\["cc-93-2013-dmerits-en"\]}](http://hudoc.esc.coe.int/eng/?i=cc-93-2013-dmerits-en#{)
https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805c9363
[http://hudoc.esc.coe.int/eng/#{"%22ESCArticle%22":\["%2217-01-163%22"\],"%22ESCDcType%22":\["%22FOND%22"\],"%22ESCDcIdentifier%22":\["%22cc-95-2013-dmerits-en%22\]}](http://hudoc.esc.coe.int/eng/#{)
[http://hudoc.esc.coe.int/eng/#{"%22ESCArticle%22":\["%2217-01-163%22"\],"%22ESCDcType%22":\["%22FOND%22"\],"%22ESCDcIdentifier%22":\["%22cc-98-2013-dmerits-en%22\]}](http://hudoc.esc.coe.int/eng/#{)

⁷⁶ <http://www.bbc.com/news/uk-43075546>

Конституции «жестокое обращение или наказание», как правило, воспринимается как аналог «бесчеловечного обращения», упоминаемого в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (вопрос о толковании этого термина в контексте семейного права мы рассмотрим ниже в этом разделе). Как уже было указано, в контексте прецедентной практики ЕСПЧ, не существует оснований для отнесения всех случаев телесного наказания детей к «бесчеловечному» или «унижающему достоинство» обращению. Иными словами, не существует оснований утверждать, что эта норма Конституции РФ содержит запрет на применение умеренных телесных наказаний в отношении детей в семье.

Ст. 56 п. 2 Семейного кодекса РФ устанавливает:

«Ребенок имеет право на защиту от злоупотреблений со стороны родителей (лиц, их заменяющих)».

Вполне очевидно, что применимость этой нормы к умеренным телесным наказаниям детей зависит от того, возможно ли считать их «злоупотреблением». Такая возможность прямо зависит от того, направлено ли их применение на «зло», т.е. можно ли говорить о причиняемом ими вреде. В случае, если нет оснований утверждать, что любые телесные наказания приносят вред, это положение не может быть, в общем случае, применено к умеренному телесному наказанию ребенка в воспитательных целях.

Поясняя корреспондирующую норму Семейного кодекса в целях упорядочивания судебной практики, Пленум Верховного Суда РФ в п. 11 Постановления от 27.05.1998 г. N 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» указывает (выделение наше):

«Под злоупотреблением родительскими правами следует понимать использование этих прав в ущерб интересам детей, например создание препятствий в обучении, склонение к попрошайничеству, воровству, проституции, употреблению спиртных напитков или наркотиков и т.п.».

Таким образом, о злоупотреблении со стороны родителей можно говорить лишь в случае, если они пользуются своими правами в ущерб интересам детей. Между тем, не очевидно, что умеренное использование телесных наказаний наносит ущерб интересам детей. Более того, выше, приводя заявление Республики Сингапур в связи с присоединением ее к Конвенции ООН о правах ребенка, мы показали, что страны-участники Конвенции в 1995 году согласились с тем, что возможно «разумное применение телесных наказаний в наилучших интересах ребенка».

Ст. 65 п. 1 Семейного кодекса РФ устанавливает:

«Родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. Обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей.»

При осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей.»

Родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей, несут ответственность в установленном законом порядке».

Как можно видеть, текст закона и тут не упоминает прямо о запрете телесных наказаний детей в семье. Речь идет лишь о недопустимости «жестокости, грубого, унижающего человеческое достоинство обращения».

Мы уже упоминали, что, в контексте обязывающей практики ЕСПЧ нельзя утверждать, что любое телесное наказание является «унижающим человеческое достоинство». Понятие «жестокости обращения» не раскрывается в действующих законодательных текстах Российской Федерации.

Поясняя соответствующую норму в целях упорядочивания судебной практики, Пленум Верховного Суда РФ в п. 11 Постановления от 27.05.1998 г. N 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» указывает:

«Жестокое обращение с детьми может проявляться не только в осуществлении родителями физического или психического насилия над ними либо в покушении на их половую неприкосновенность, но и в применении недопустимых способов воспитания (в грубом, пренебрежительном, унижающем человеческое достоинство обращении с детьми, оскорблении или эксплуатации детей)».

Таким образом, под «жестоким обращением», в интересующем нас контексте, может пониматься либо «физическое насилие» (к которому телесные наказания могут быть отнесены лишь в случае, если будет доказано, что они приносят вред детям и общественно опасны), либо «унижающее человеческое достоинство обращение с детьми» (к каковому, даже в контексте обязывающей практики ЕСПЧ, как было показано выше, могут быть отнесены не все ситуации применения телесных наказаний).

Все это не позволяет утверждать, что норма ст. 65 п. 1 Семейного кодекса РФ запрещает телесные наказания, как таковые.

В числе оснований для применения такой меры семейно-правовой ответственности как лишение родительских прав, ст. 69 Семейного кодекса РФ упоминает следующие:

«Родители (один из них) могут быть лишены родительских прав, если они:

<...>

злоупотребляют своими родительскими правами;

жестoko обращаются с детьми, в том числе осуществляют физическое или психическое насилие над ними, покушаются на их половую неприкосновенность;

<...>

совершили умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей либо против жизни или здоровья супруга».

Выше мы приводили пояснения к этой норме из Постановления Пленума Верховного Суда РФ. Из сказанного выше становится понятно, что первые два основания не могут безоговорочно применяться по отношению к умеренному применению телесных наказаний в семье. Что касается последнего основания, то его мы рассмотрим ниже, анализируя нормы уголовного права.

Для применения такой меры семейно-правовой ответственности, как ограничение родительских прав, в соответствии со ст. 73 п. 2 Семейного кодекса РФ необходимо установление факта опасности оставления ребенка с родителями. В отношении использования телесных наказаний такая опасность могла бы иметь место лишь в том случае, если бы была доказана опасность их применения, вред от этого применения.

Наконец, ст. 77 п. 1 Семейного кодекса РФ предусматривает такую меру, как отобрание ребенка у родителей в досудебном, административном порядке, в случае наличия непосредственной угрозы жизни и здоровью ребенка.

Анализируя эту норму, следует учитывать, что умеренное применение телесных наказаний в воспитательных целях не связано с угрозой для жизни ребенка. Что касается угрозы здоровью ребенка, то даже в случае непредвиденного причинения ребенку легких случайных повреждений (синяк, ссадина), нет оснований говорить о наличии угрозы для его здоровья. В соответствии с п. 9 «Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (утв. Приказом Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 N 194н), *«поверхностные повреждения, в том числе: ссадина, кровоподтек, ушиб мягких тканей, включающий кровоподтек и гематому, поверхностная рана и другие повреждения, не влекущие за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности, расцениваются как повреждения, не причинившие вред здоровью человека»*. Таким образом, указанные случайные легкие повреждения не должны рассматриваться как непосредственная угроза здоровью.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что семейное законодательство РФ не содержит общего запрета на умеренное применение телесных наказаний детей в семье.

Остается рассмотреть нормы **Уголовного кодекса РФ**.

Оставим за пределами нашего рассмотрения ситуации, предусмотренные такими статьями УК РФ, как ст.ст. 111 («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»), 112 («Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»), 113 («Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта») и 115 («Умышленное причинение легкого вреда здоровью»). Деяния, связанные с этими статьями, совершенно очевидно не связаны с умеренным и разумным применением телесных наказаний в семье в воспитательных целях.

Возможность квалифицировать неоднократное применение телесных наказаний по ст. 117 УК РФ («Истязание») зависит от того, есть ли действительные основания квалифицировать каждый случай их применения как «побои» в смысле ст. 116.1 УК РФ («Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию») или ст. 6.1.1 КоАП РФ («Побои»). Этот вопрос мы рассмотрим подробно чуть ниже.

Ст. 156 УК РФ («Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего») предусматривает наказание за *«неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое возложены эти обязанности, <...> если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним»*. Уголовное право не содержит отдельного легального определения понятия «жестокое обращение» в связи с этой статьей. Таким образом, толкование этой нормы требует отсылки к семейно-правовому смыслу этого понятия, который, как мы уже указывали, не включает по умолчанию любую ситуацию применения телесного наказания к ребенку.

Вопрос о том, запрещено ли применение телесных наказаний к ребенку в семье российским уголовным правом, таким образом, сводится, по существу, к вопросу о том, может ли умеренное применение телесных наказаний к ребенку в семье в воспитательных целях быть квалифицирова-

но по ст. 116.1 УК РФ («Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию») или ст. 6.1.1 КоАП РФ («Побои»).

Небольшой исторический экскурс. До 15.07.2016 года побои были составом уголовного преступления, предусмотренного ст. 116 ч. 1 ст УК РФ («Побои») и рассматривались как «Нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий». Ст. 116 ч. 2 предусматривала более серьезное наказание за побои, нанесенные «из хулиганских побуждений» или «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

В рамках общей концепции гуманизации уголовного права, предусматривавшей декриминализацию ряда легких преступлений и отнесения их к числу административных правонарушений, в 2016 году был принят закон, декриминализующий первый случай нанесения побоев. Согласно законопроекту, таковой отходил к числу административных правонарушений, наказуемых согласно введенной специально для этого новой статье 6.1.1 КоАП РФ («Побои») – «нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 Уголовного кодекса Российской Федерации», с наложением административного наказания, сравнимого по тяжести с прежним уголовным. В случае повторного совершения такого правонарушений в течение срока, пока совершивший его считался подвергнутым административному взысканию, он подлежал уже уголовной ответственности по (новой) статье 116.1 УК РФ («Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию»). Уголовному наказанию даже в случае первого правонарушения, по измененной ст. 116 УК РФ («Побои») подлежали только побои, ранее наказывавшийся по второй части этой статье – то есть нанесенные при наличии отягчающих обстоятельств (хулиганских побуждений и т.п.).

Однако в процессе рассмотрения законопроекта парламентом в него (депутатом П. Крашенинниковым) была внесена поправка, дополнявшая этот перечень отягчающих обстоятельств странной и абсурдно выглядящей формулировкой, согласно которому уголовно должны были наказываться также и побои «в отношении близких лиц», под которыми понимался крайне широкий круг людей («близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки) опекуны, попечители, а также лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние, предусмотренное настоящей статьей, или лица, ведущие с ним общее хозяйство»).

В результате этой поправки возникал риск уголовного преследования за любое умеренное физическое наказание в отношении собственного ребенка. Принятая в таком виде норма вызвала широкое возмущение общественности. Огромное количество людей требовало не принимать закон или, после принятия, отменить данную норму (более 212 тысяч подписей за отмену нормы собрала организация «Родительское Всероссийское Сопротивление»⁷⁷, более 32 тысяч подписей - гражданская платформа CitizenGO⁷⁸).

В результате этого законодатели пошли «на попятный» и отменили указанную норму, удалив поправку про «близких» лиц из ст. 116 УК РФ. В обновленном виде ст. 116 УК РФ вступила в силу

⁷⁷ <https://rossaprimavera.ru/news/gosduma-progolosovala-za-otmenu-zakona-o-shlepkah-vo-vtorom-chtenii>

⁷⁸ <http://www.citizengo.org/ru/fm/35417-otklonit-zakon-o-zaprete-voispitaniya>

07.02.2017 года и теперь уголовному наказанию за первый раз подлежат только побои, нанесенные при обычных отягчающих обстоятельствах («из хулиганских побуждений, а равно по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы»).

Таким образом, побои в отношении ребенка на первый раз подлежат наказанию согласно ст. 6.1.1 КоАП РФ, а в случае повтора правонарушения в течение предусмотренного законом срока – по ст. 166.1 УК РФ.

На первый взгляд, представляется, что применение телесных наказаний к ребенку в семье в воспитательных целях подпадает под эти нормы КоАП или УК РФ. В самом деле, общепринятым является мнение, что под «побоями» здесь имеется в виду «многократное нанесение ударов (не менее трех)», а под «иными насильственными действиями» - даже однократное насильственное действие, в результате которого не возникли последствия, предусмотренные ст. 115 и иными статьями УК РФ, но которое «причинило физическую боль потерпевшему»⁷⁹.

Однако этот вывод покажется далеко не таким очевидным при комплексном анализе указанной нормы права в контексте рамочных норм Раздела I («Общие положения») КоАП РФ и Общей части Уголовного кодекса РФ.

Так ст. 2.2 КоАП РФ («Формы вины») устанавливает (здесь и далее выделение наше):

«1. Административное правонарушение признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало противоправный характер своего действия (бездействия), предвидело его вредные последствия и желало наступления таких последствий или сознательно их допускало либо относилось к ним безразлично.

2. Административное правонарушение признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления вредных последствий своего действия (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение таких последствий либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть».

При этом согласно ст. 2.1 ч. 1 КоАП РФ административным правонарушением признается только «виновное действие (бездействие) физического ... лица». Ст. 1.5 ч. 1 КоАП РФ устанавливает:

«Лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина».

Аналогичные нормы содержит и уголовное законодательство.

Ст. 5 («Принцип вины») ч. 1 УК РФ устанавливает:

«Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина».

Ст. 14 УК РФ («Понятие преступления») устанавливает:

⁷⁹ См. напр.: Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / под. ред. В.Т. Томилина, В.В. Свечкова. – 6-е изд., перераб. и доп., М.: Издательство Юрайт, 2010, с. 381-382.

«1. Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания.

2. Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности».

Ст. 24 ч. 1 УК РФ («Формы вины») устанавливает:

«Виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности».

Таким образом, в уголовном законодательстве существуют только две основные формы вины, которые раскрываются в двух следующих статьях УК РФ:

«Статья 25. Преступление, совершенное умышленно

1. Преступлением, совершенным умышленно, признается деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом.

2. Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления.

3. Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично.

Статья 26. Преступление, совершенное по неосторожности

1. Преступлением, совершенным по неосторожности, признается деяние, совершенное по легкомыслию или небрежности.

2. Преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий.

3. Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия».

Как можно убедиться при комплексном анализе этих норм, Уголовный кодекс рассматривает вину и преступление лишь в контексте общественной опасности соответствующих деяний, существования их общественно опасных последствий. Административный кодекс, аналогичным образом, связывает вину с вредными последствиями действий (бездействия) нарушителя.

Иными словами, некие деяния не могут быть сочтены преступлениями или административными правонарушениями по самому факту их соответствия критериям, предусмотренным статьями Особенной части УК РФ или КоАП РФ, если они не влекут за собой общественно опасных последствий или ожидаемого серьезного риска их наступления (в случае уголовного законодательства), аналогично – для вредных последствий (в случае административного).

При этом общественная опасность или вредность последствий того или иного деяния – фактор объективный. Не внесение того или иного деяния в Уголовный кодекс делает его последствия общественно опасными, а в КоАП – вредными, напротив, те или иные деяния запрещаются законом

именно вследствие их общественной опасности или вредности, и именно это входит в намерение законодателя.

Запрет действий, не являющихся общественно опасными или вредными, в это намерение не входит. Более того, ст. 14 ч. 2 УК РФ прямо ограждает общество от неоправданно жесткого применения норм уголовного права, устанавливая, что не может быть отнесено к преступлениям такое действие, которое содержит признаки предусмотренных Кодексом преступлений и даже, быть может, по своей природе могло бы быть признано общественно опасным, но является малозначительным и поэтому не представляет общественной опасности.

Таким образом, умеренное применение телесных наказаний по отношению к детям в семье может быть сочтено правонарушением, преступлением, виновным деянием, и квалифицировано по ст. 6.1.1. КоАП РФ или ст. 116.1 УК РФ как «побои» лишь в том случае, если будет установлено что применение таких наказаний связано с непременным причинением вреда детям или обществу, т.е. влечет общественно опасные последствия и должно быть признано общественно опасным деянием.

Между тем, для такого вывода, как было показано выше и будет показано ниже, отсутствуют какие-либо основания. В силу этого, по нашему мнению, административное преследование по ст. 6.1.1 КоАП РФ или уголовное преследование в соответствии со ст. 116.1 УК РФ родителей или лиц, их заменяющих, в связи с применением умеренных телесных наказаний по отношению к детям в семье в воспитательных целях, должно быть признано неоправданным и не должно осуществляться. Такие ситуации, в рамках правовой логики, должны четко отделяться от случаев действительно тяжкого насилия или злонамеренных действий в отношении детей. Здравая правовая логика не позволяет, как мы видим, считать умеренное применение телесных наказаний в семье подпадающим под действие указанных норм (а значит и ст. 117 УК РФ).

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что, вопреки мнению ряда противников телесных наказаний, российское законодательство не запрещает умеренное применение телесных наказаний к детям в семье в воспитательных целях. Это понимают и грамотные сторонники запрета телесных наказаний детей. Не случайно такие организации, как «Глобальная инициатива по прекращению всех телесных наказаний детей» не включает Российскую Федерацию в список стран, в которых законодательно запрещены все телесные наказания детей⁸⁰.

Вместе с тем, необходимо отметить, что, несмотря на то, что последовательный правовой анализ не позволяет применять к умеренному телесному наказанию ребенка родителями норм ст. 6.1.1. КоАП РФ и ст. 116.1-117 и 156 УК РФ, в реальности, вопреки этому, формируется неоправданно расширительная практика применения этих статей. Родители, использующие телесные наказания детей, в реальности рискуют подпасть под уголовную ответственность по одной из этих статей, в зависимости от усмотрения конкретных представителей судейского сообщества, следователей и т.п. Между тем, такое усмотрение осуществляется, в том числе, и под воздействием определенной публичной пропаганды в этом отношении, осуществляемой группами, стремящимися добиться запрета любых форм телесных наказаний детей и уголовного преследования всех родителей, применяющих их.

⁸⁰ <http://www.endcorporalpunishment.org/assets/pdfs/legality-tables/Global-progress-table-commitment.pdf>

Более того, на высоком уровне всерьез (с крайне странными обоснованиями) поднимается вопрос о возвращении в ст. 116 положения, отмененного ранее в результате протестов общественности. Например, такие послы звучат из уст главы Следственного Комитета РФ А. Бастрыкина⁸¹. Поскольку какие-либо объективные основания для таких призывов (как будет показано ниже) отсутствуют, они выглядят странно и вызывают естественные вопросы относительно стоящих за ними мотивов.

С учетом информации, изложенной ниже, все это позволяет, на наш взгляд, говорить о существенных недостатках действующего законодательства и правоприменительной практики, которые не обеспечивают эффективной защиты права родителей принимать те или иные решения в отношении воспитания своих детей, не связанные с неизбежностью или серьезным риском причинения им какого-либо вреда или значимого ущерба. Представляется, что ситуация, когда практика правоприменения определяется не правовой логикой, а общественным влиянием тех или иных эмоциональных кампаний, не может быть признана здоровой и нормальной.

Подобное внеправовое давление на правоприменителей создает ситуацию, в которой в обществе не может спокойно и открыто обсуждаться вопрос об оправданности возможного введения запрета телесных наказаний детей в семье. В этой ситуации многие родители, которые, в ином случае, открыто могли бы высказывать свое суждение по этому вопросу, боятся делать это, опасаясь, в результате своих высказываний, подпасть под подозрение, привлечь к себе неоправданное внимание правоохранительных органов и даже навлечь на себя уголовное преследование. По нашему мнению, речь идет, фактически, о внеправовом давлении на публичное общественное мнение и свободу выражения педагогических убеждений с неправомерным использованием административного и правоохранительного ресурса.

⁸¹ <http://tass.ru/obschestvo/4934136>

Научный аспект

Сторонники запрета телесных наказаний детей, обращаясь к широкой публике, обычно представляют в виде «общего места» или очевидной истины некоторые суждения научного характера. Так, обычно безапелляционно утверждается, что наука доказала, будто телесные наказания наносят детям неизбежный серьезный вред. Другое «заведомо истинное» суждение состоит в том, что существует «очевидная» связь между допущением даже умеренных телесных наказаний детей и серьезным насилием по отношению к детям, таким как убийство детей. Ниже будет показано, что эти «очевидные истины» не выдерживают никакой серьезной критики.

«Доказанность» необходимости запрета

По мнению сторонников запрета телесных наказаний, необходимость такого запрета доказывается научными данными, в соответствии с которыми телесные наказания приносят детям серьезный вред. В качестве примера подобных утверждений приведем еще раз пассаж из буклета организации «Спасите детей» (2003 г.):

«Результаты исследования указывают на связь между телесными наказаниями и депрессией, низкой самооценкой, ухудшением психологической адаптивности и плохими взаимоотношениями с родителями и представителями власти»⁸².

В обоснование своего суждения, авторы брошюры ссылаются на исследование Мюррея Штрауса (1994)⁸³. На это и некоторые иные, более поздние, исследования Штрауса и его последователей регулярно ссылаются сторонники запрета телесных наказаний. Штраус в своих исследованиях, действительно, приходит к подобному выводу. Вторым известным автором, поддерживающим такую позицию, является Элизабет Гершофф. В своем мета-анализе существующей исследовательской литературы вопроса (2004) она приходит к выводу о том, что применение телесных наказаний связано с более низким уровнем моральной интернализации и психического здоровья, а также с более высоким уровнем агрессии у детей⁸⁴.

Однако позволяет ли это сказать, что данные положения «доказаны наукой»? Это было бы так, если бы результаты исследований Штрауса⁸⁵ и Гершофф были научно бесспорны, не вызывали бы серьезных научных возражений и их результаты были бы общепринятыми в научной среде. Однако, это не так. При этом сторонники запрета телесных наказаний игнорируют противоположные научные данные и замалчивают противоречащие их взглядам научные исследования, среди которых есть весьма убедительные и доказательные.

Среди наиболее серьезных научных оппонентов Штрауса и Гершофф – доктор Роберт Ларзелер (Dr. Robert E. Larzelere). Доктор Ларзелер – более 20 лет посвятил научным исследованиям различных подходов к семейной дисциплине, в результате которых опубликовал более двадцати ра-

⁸²

https://web.archive.org/web/20100706022447/http://www.savethechildren.net/alliance/resources/corporal_punish.pdf

⁸³ Murray A. Straus, *Beating the Devil Out of Them: Corporal Punishment in American Families* (New York: Lexington Books, 1994)

⁸⁴ Gershoff, ET. Corporal punishment by parents and associated child behaviors and experiences: A meta-analytic and theoretical review. *Psychological Bulletin*. 2002;128(4):539-570.

⁸⁵ Следует отметить, что Штраус – не психолог, а социолог, причем еще до проведения своих исследований он выступал как ярый противник телесных наказаний.

бот по различным ее аспектам в психологических и педиатрических журналах и сборниках научных трудов. Он является ассоциированным профессором Оклахомского государственного университета (Кафедра развития человека и наук о семье)⁸⁶. Среди научных проблем, которыми занимается Ларзелер – изучение результатов использования умеренного дисциплинарного «шлепания».

В числе исследований, участником которых был Ларзелер - опубликованный в 2005 году и наиболее полный на сегодняшний день мета-анализ научной литературы о результатах использования физических наказаний детей в сравнении с альтернативными дисциплинарными стратегиями⁸⁷. На результаты этого исследования, в частности, опиралась Американская коллегия педиатров⁸⁸, одно из двух наиболее влиятельных профессиональных педиатрических объединений в США, принявшая решение занять позицию в поддержку умеренного «шлепания»⁸⁹.

Это исследование было проделано доктором Ларзелером и Бреттом Куном (Медицинский центр университета Небраски). Мета-анализ является первым исследованием такого рода, рассматривающим результаты использования телесных наказаний детей в сравнении с результатами альтернативных воспитательных стратегий. Авторы изучили научную литературу, созданную за более чем 50 лет изучения вопроса. Ими было выявлено 26 релевантных исследований влияния применения телесных наказаний на детей. В результате проделанного анализа авторы приходят к выводу: влияние телесных наказаний на детей зависит от того, как они применяются. Влияние телесных наказаний на детей было в целом хуже по сравнению с альтернативными воспитательными стратегиями лишь в случаях, когда применение телесных наказаний было основным воспитательным методом. Результаты «регулярного» применения телесных наказаний⁹⁰, оказались не хуже и не лучше, чем результаты применения иных стратегий (за исключением одного исследования, показавшего хорошее влияние применения физических наказаний на уменьшение пристрастия к наркотикам). Авторы также выявили оптимальный метод использования телесных наказаний, исходя из его результатов: таким методом оказалось «условное» использование «шлепания»⁹¹.

Помимо этого, авторы исследования выявили серьезные проблемы в результатах предыдущих авторов, приходивших к выводу о вреде телесных наказаний. В частности, они указали на следующие методологические проблемы предыдущих исследований:

⁸⁶ <https://humansciences.okstate.edu/hdfs/cfr/research-associates/robert-larzelere.html>

⁸⁷ Larzelere, R. E., & Kuhn, B. R. (2005). Comparing child outcomes of physical punishment and alternative disciplinary tactics: A meta-analysis. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 8 (1), 1-37.

⁸⁸ <http://www.acped.org/>

⁸⁹ Вторая влиятельная ассоциация, Американская академия педиатрии, занимает противоположную позицию, отрицательно относясь ко всем телесным наказаниям детей. Она также выступает, в числе прочего, в поддержку усыновления детей «семьями» сексуальных меньшинств.

⁹⁰ Как «регулярное» в исследовании определялось такое использование телесных наказаний, когда их используют периодически, а интенсивность их использования обычно оценивается частотой применения (без учета интенсивности самого наказания).

⁹¹ При «условном» использовании «шлепания», в соответствии с подходом Ларзелера и Куна, оно используется без чрезмерности, в ситуациях, когда дети не реагируют на более мягкие дисциплинарные тактики (такие, как предписание «побыть в своей комнате»), в виде нескольких шлепков открытой ладонью по ягодицам ребенка, осуществляемых родителем в спокойном состоянии и без гнева. «Условное» использование «шлепания», как показало исследование, приучает ребенка более адекватно реагировать на более мягкие меры воздействия, делая шлепание менее необходимым в будущем.

- в них не проводилось различие между результатами чрезмерно жестокого, насильственного в «узком» смысле применения телесных наказаний и умеренного применения телесных наказаний – все результаты рассматривались вместе;
- в них не изучался серьезный вопрос (т.н. проблема «курицы и яйца») о причинно-следственной связи: порождает ли применение телесных наказаний серьезные поведенческие проблемы или, наоборот, вызвано ими.

Наиболее сильным аргументом предшествующих исследователей против регулярного использования телесных наказаний был вывод о том, что они связаны с последующими поведенческими проблемами, такими как агрессия (Гершофф, 2002). Однако, как было показано авторами, эта связь с агрессией существует у всех воспитательных стратегий, направленных на исправление поведения.

Проблема причинно-следственной связи была решена Ларзелером и Куном путем сравнения результатов применения телесных наказаний с результатами иных воспитательных стратегий. Именно этот подход является методологически корректным, поскольку он сравнивает результаты разных методов исправления поведения ребенка, а не состояние детей, которых исправляли с помощью телесных наказаний и детей, которые могли не нуждаться в дисциплинарном воздействии вообще (т.е. исходно принадлежать к выборке с иными показателями, в частности, – в отношении агрессии).

Авторы установили, что при том, что «регулярное» использование телесных наказаний не привело к худшим результатам по сравнению с альтернативными стратегиями воспитания, «условное» использование «шлепания» как воспитательной стратегии привело к лучшим результатам, чем большинство альтернативных стратегий. «Условное» использование «шлепания» давало лучшие результаты, чем 10 из 13 альтернативных воспитательных стратегий, в которых телесные наказания не использовались, и результаты, сравнимые с результатами трех оставшихся альтернативных подходов.

Таким образом, исследование Ларзелера и Куна четко демонстрирует, что не существует оснований для утверждения о том, что умеренные воспитательные телесные наказания приносят вред детям.

В своем анализе вопроса⁹² Американская коллегия педиатрии указывает на следующие методологические проблемы исследований, приводящих к выводу об «опасности» телесных наказаний:

- умеренные воспитательные телесные наказания искусственно рассматриваются в одной группе с действительно жестоким насилием, таким как избиение кулаками, битье по лицу и удары ногами. Так Гершофф (2002) используют крайне широкое определение телесного наказания и, в результате, 65% исследований, на которые она ссылается, рассматривают избыточно жестокие формы телесных наказаний.
- Исследования не ограничивают выборку малолетними детьми, рассматривая, скорее, результаты использования телесных наказаний в отношении юношей и девушек.

⁹² http://www.acped.org/wordpress/wp-content/uploads/CP_Position_statement_final1.pdf
и, более подробно: http://www.acped.org/wordpress/wp-content/uploads/cp_policy_final.pdf

- Выводы исследований носят корреляционный характер, не рассматривая вопрос причинно-следственной связи⁹³.
- Исследования не сравнивают результаты использования телесных наказаний с результатами использования альтернативных дисциплинарных стратегий (таких, например, как лишение привилегий – эта проблема решена в исследовании Ларзелера и Куна).
- Многие исследования полагаются на сообщения родителей, как на источник данных и о поведении детей, и о применяемых дисциплинарных методах.
- Долговременные исследования часто рассматривают лишь частоту применения наказаний, не учитывая частоту появления проблем в поведении ребенка и его темперамент.
- В анализе не учитываются важные факторы воспитательного процесса, такие как характер детско-родительских отношений в целом, характер родительской заботы, использование со стороны родителей, наряду с наказаниями, иных методов воздействия (таких, как объяснения и т.п.).

Все это позволяет говорить о серьезных дефектах исследований, приводящих к выводу о вреде использования телесных наказаний для детей.

Многие из перечисленных методологических проблем свойственны уже упоминавшимся исследованиям Мюррея Штрауса, подвергавшимся по этой причине серьезной критике⁹⁴.

Например, как показывают исследования, в ситуациях, когда сравниваются группы, в которых родители в одинаковой мере вовлечены в позитивное взаимодействие с детьми или используют объяснения, связь между использованием телесных наказаний и негативными проявлениями в поведении ребенка исчезает⁹⁵.

⁹³ Между тем, возможна и вполне вероятна ситуация, когда корреляция между негативными аспектами поведения и использованием телесных наказаний обусловлена тем, что детей, которые ведут себя проблемно, чаще наказывают, а не наоборот.

⁹⁴ Наряду с уже упоминавшимся исследованием Ларзелера и Куна (2005), см. также критику исследования Штрауса (1994), на которое ссылалась организация «Спасите детей» в цитированном нами буклете в: David Benatar, Corporal Punishment, *Social Theory and Practice*, vol. 24 (1998), pp. 237-260 (Давид Бенатар – профессор философии, глава кафедры философии Кейптаунского университета (ЮАР), специалист по биоэтике). Более позднее исследование Штрауса и соавторов (Straus, M. A., Sugarman, D. B., & Giles-Sims, J. (1997). Spanking by parents and subsequent antisocial behavior of children. *Archives of Pediatrics and Adolescent Medicine*, 151, 761-767) также широко используется в продвижении запрета телесных наказаний. Критику этого исследования, помимо работы Ларзелера и Куна (2005) см. в: Corporal Punishment and Antisocial Behavior By V. K. Ambati, J. Ambati, and A.M Rao. *Arch Pediatr Adolesc Med*. 1998;152:303 (авторы подвергают серьезной критике методологию и статистические данные, использованные в исследовании Штрауса и др. 1997 г.) // Two Emerging Perspectives of Parental Spanking From Two 1996 Conferences By Bob Larzelere, Diana Baumrind and Ken Polite. *Arch Pediatr Adolesc Med*. 1998;152:303-305.

⁹⁵ См.: Simons RL, Johnson C, & Conger RD. Harsh corporal punishment versus quality of parental involvement as an explanation of adolescent maladjustment. *J Marriage and Family*. 1994; 56:591-607 // Larzelere RE & Merenda JA. The effectiveness of parental discipline for toddler misbehavior at different levels of child distress. *Family Relations*. 1994;43:480-488.

Долговременные исследования поведения, длившиеся от 3 до 10 лет, показывают, что использование родителями воспитательного «шлепания» не связано с детской агрессивностью⁹⁶. При этом на агрессивность и психическое здоровье ребенка влияет плохое качество отношений с родителем⁹⁷.

Долговременные исследования стилей воспитания неизменно приводят к выводу о том, что результаты умеренного применения телесных наказаний, как и любых иных разумных дисциплинарных мер, определяются прежде всего общим характером вовлеченности родителя в воспитание ребенка, родительского контроля и родительской заботы⁹⁸. Стиль воспитания, основанный на авторитете, для которого характерен твердый контроль поведения ребенка (включая умеренное применение телесных наказаний) и щедрое использование поощрения в отношении него, дает оптимальные результаты. При этом нет оснований говорить о том, что воспитательное «шлепанье» усиливает агрессию в малолетних детях⁹⁹.

Таким образом, утверждения, будто наукой доказано, что телесные наказания приносят детям вред, являются ложными и необоснованными. Научные данные говорят об ином, не позволяют сделать вывод о какой-либо опасности умеренных воспитательных телесных наказаний, а в ряде случаев даже указывают на их большую воспитательную эффективность в сравнении с альтернативными воспитательными методами.

Телесные наказания и серьезное насилие над детьми: есть ли связь?

Сторонники запрета телесных наказаний часто высказывают утверждение о том, что существует связь между разрешением применять умеренные телесные наказания к детям в семье в воспитательных целях и тяжким насилием в отношении детей, в том числе и насилием, приводящим к их смерти. Является ли это утверждение достоверным и имеющим какие-либо серьезные основания?

Факты не поддерживают этого утверждения.

⁹⁶ См.: Gunnoe, ML & Mariner CL. Toward a developmental-contextual model of the effects of parental spanking on children's aggression. Archives of Pediatric & Adolescent Medicine. 1997; 151:768-775 // Eron LD. Theories of Aggression: from drives to cognitions. in Huesmann LR (ed). Aggressive Behavior, Current Perspectives. 1994;pp 3-11. New York: Plenum Press («Через 10 лет после начала работы мы приходим к выводу, что наказание [включая и телесные наказания] за агрессивные действия в раннем возрасте не связано с агрессией в настоящее время, и, напротив, другие факторы, такие как родительская забота и связь детей с родителями, существенно определяют уровень позднейшей агрессии») // Baumrind, D. The development of instrumental competence through socialization. Minnesota Symp Child Psych. 1973;7:3-46 (результаты исследования «не указывают что применение телесных наказаний само по себе является вредной или неэффективной процедурой, и влияние этой процедуры на ребенка связано, скорее с общим характером родительского контроля») // Chamberlain RW. Relationships between child-rearing styles and child behavior over time. Am J Dis Child. 1978; 132:155-160 (дети из «авторитарных» семей, где часто использовали телесные наказания, «не являются ... более агрессивными и непослушными», чем дети из других семей).

⁹⁷ Simons RL, Johnson C, & Conger RD. Harsh corporal punishment versus quality of parental involvement as an explanation of adolescent maladjustment. J Marriage and Family. 1994; 56:591-607.

⁹⁸ См.: Plenum Press / Baumrind, D. The development of instrumental competence through socialization. Minnesota Symp Child Psych. 1973;7:3-46 // Simons RL, Johnson C, & Conger RD. Harsh corporal punishment versus quality of parental involvement as an explanation of adolescent maladjustment. J Marriage and Family. 1994; 56:591-607.

⁹⁹ Gunnoe, ML & Mariner CL. Toward a developmental-contextual model of the effects of parental spanking on children's aggression. Archives of Pediatric & Adolescent Medicine. 1997; 151:768-775

Так, анализируя американские данные, можно увидеть, что около 94% родителей в США использовали телесные наказания в 1990-е годы¹⁰⁰. При этом менее 1% родителей допускают серьезное насилие в отношении детей¹⁰¹. Более того, данные американского Национального комитета по предотвращению насилия над детьми свидетельствуют: за два последних десятилетия уровень одобрения родителями телесных наказаний постепенно снижался, а уровень серьезного насилия над детьми в это же время постепенно возрастал¹⁰².

Опрос американских практикующих педиатров, которые каждый день имеют дело с семьями и детьми, показал, что 70% из них отвергают мнение о том, что «шлепание» ведет родителей к серьезному насилию над детьми¹⁰³.

Не подтверждается и мнение о том, что при телесном наказании родители действуют эмоционально и склонны терять над собой контроль. По данным исследования Соколар и Штайн (1995) большинство родителей, шлепающих детей, делают это в спокойном состоянии и сознательно, исходя из эффективности этого воспитательного воздействия на ребенка¹⁰⁴.

Как показывает опыт Швеции (который мы более подробно рассмотрим ниже), запрет телесных наказаний несколько уменьшает уровень легкого насилия над детьми, однако накапливающаяся фрустрация родителей создает возрастание риска серьезного физического насилия в отношении детей¹⁰⁵.

Какие-либо научные данные, которые позволяли бы установить связь между уровнем серьезного физического насилия в отношении детей и отношением законодательства к воспитательным телесным наказаниям, отсутствуют.

Однако есть некоторые данные, прямо указывающие на то, что такой связи не существует, а заявления о ее существовании – голословны и необоснованны. Речь идет о статистических данных об уровне детской смертности в результате насилия по различным странам. В таблицах 1 и 2 приведены в визуальной форме некоторые данные на этот счет по состоянию на 2003 г., основанные на публикации ЮНИСЕФ¹⁰⁶. Простое сравнение этих данных показывает, что нет связи между уровнем смертности детей в результате насилия в том или ином государстве и его законодательным отношением к воспитательным телесным наказаниям детей в семьях. Следует отметить, что среди «лидеров» детской смертности в результате насилия есть и страны, в которых телесные наказания запрещены, включая и «пионера» в этой области – Швецию. При этом среди стран, уровень смертности детей от насилия в которых минимален, были и страны, где применение телесных наказаний в 2003 году допускалось (Испания, Греция, Ирландия). В Италии, где уровень смертности

¹⁰⁰ Straus MA & Stewart JH. Corporal punishment by American parents: National data on prevalence, chronicity, severity, and duration, in relation to child and family characteristics. *Clinical Child and Family Psychology Review*. 1999(2):55-70 // Straus M. Discipline and deviance: physical punishment of children and violence and other crime in adulthood. *Social Problems*. 1991; 38:133-152.

¹⁰¹ Gaudiosi JA. *Child Maltreatment 2005*. US Department of Health and Human Sources.

¹⁰² National Committee to Prevent Child Abuse. Memorandum. May 1995;2(5).

¹⁰³ White K. Where pediatricians stand on spanking. *Pediatric Management*. September 1993: 11-15.

¹⁰⁴ Socolar R, Stein R. Spanking infants and toddlers: maternal belief and practice. *Pediatrics*. 1995;95:105-111

¹⁰⁵ Larzelere RE, & Johnson B. Evaluation of the effects of Sweden's spanking ban on physical child abuse rates: A literature review. *Psychological Reports*. 1999. 85, 381-392.

¹⁰⁶ A League Table of Child Maltreatment Deaths in Rich Nations, Innocenti Report Card 5, UNICEF, 2003

детей от насилия также был минимален, телесные наказания были запрещены лишь в 1996 г., причем только на уровне решения Верховного Суда страны (а не на уровне законодательства)¹⁰⁷.

Все это позволяет утверждать, что мнение о связи между разрешением применения умеренных воспитательных телесных наказаний в семье и уровнем серьезного насилия против детей в обществе является ничем не подтвержденным, а с учетом анализируемого далее шведского опыта – скорее, ошибочно.

Иногда сторонники запрета телесных наказаний в семье заявляют, что применяя телесные наказания, мы учим детей тому, что сильный всегда прав, и это ведет к росту общего уровня насилия в обществе. Этот аргумент нет смысла разбирать с научной стороны, поскольку его ошибочность очевидна. Продолжая его логику, мы должны считать, что государство, помещая преступников в тюрьму, учит граждан, что можно решать свои проблемы, запирая людей насильно по своему произволу. Вполне очевидно, что разумное и справедливое наказание отличается от произвольного применения силы в личных интересах – и очевидно это как для взрослых, так и для детей. То, что применение телесных наказаний в воспитании не ведет к возрастанию уровня насилия в обществе вполне ясно и без специальных исследований – в последние годы телесные наказания стали повсеместно применяться в воспитании реже, а уровень насилия беспрецедентно вырос. Если бы заявления о связи телесных наказаний с ростом насилия в обществе были верны, должно было бы наблюдаться, скорее, обратное явление.

¹⁰⁷ http://www.endcorporalpunishment.org/pages/progress/prohib_states.html

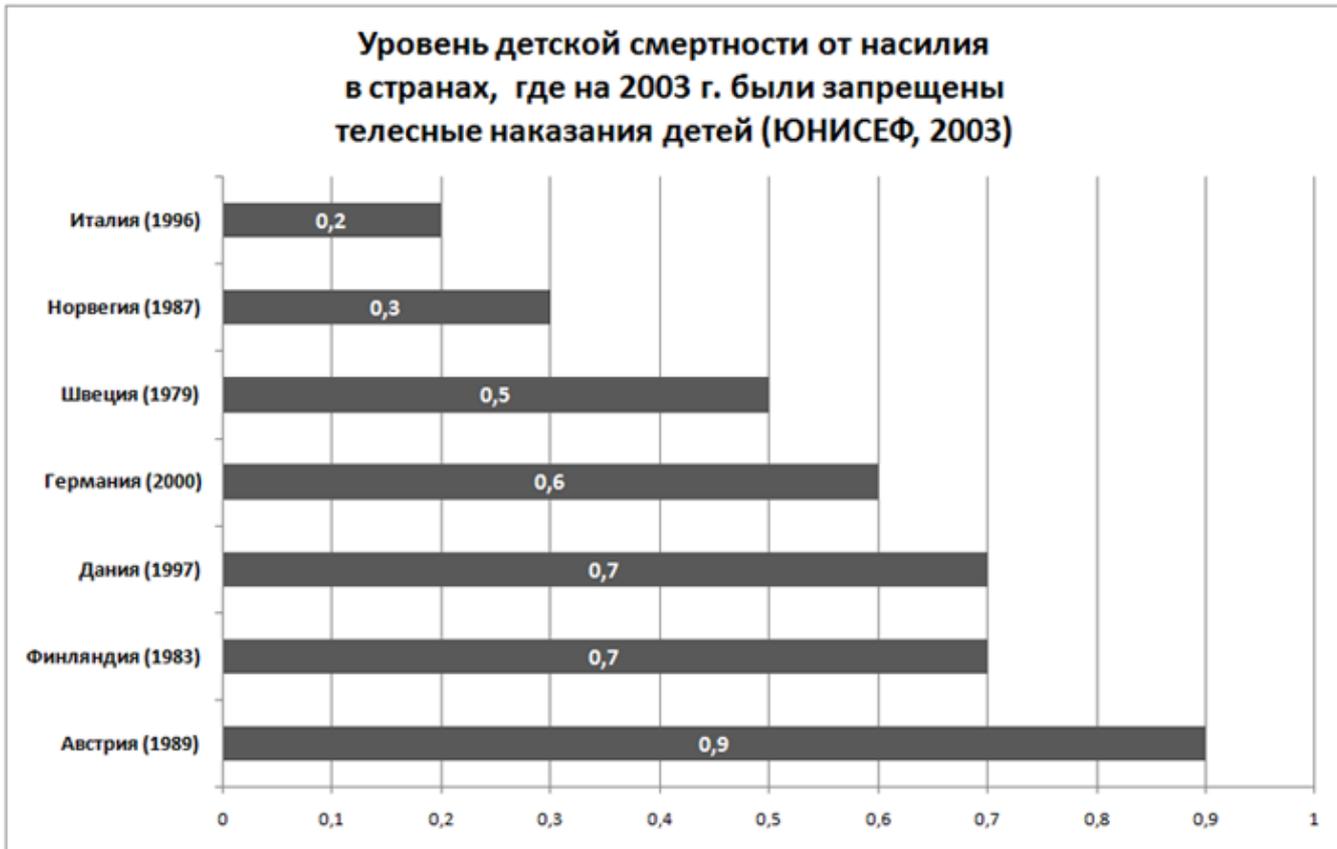

Таблица 1

Таблица 2

Последствия запрета телесных наказаний: Швеция

Многие сторонники запрета телесных наказаний ссылаются на шведский опыт как на позитивный пример заботы о детях. Действительно, если запрет телесных наказаний приносит благие плоды, пример Швеции должен весьма показательно проиллюстрировать это.

Швеция первой из стран Европы ввела полный законодательный запрет всех форм телесных наказаний детей, включая и семейные, в 1979 году. Первоначально утверждалось, что этот запрет преследует две основные цели: предотвратить более серьезное насилие над детьми (путем запрещения «допустимого» насилия) и создать условия для того, чтобы карательный подход государства к «проблемным» семьям сменился «поддерживающим» (в результате более раннего выявления проблем в семье)¹⁰⁸. Следует отметить, что эта риторика очень хорошо известна всем тем, кто сегодня пристально следит за попытками внедрения различных ювенальных технологий контроля над семьями и «вмешательства» в семью в России.

С момента законодательного запрета телесных наказаний детей в семье в Швеции прошло достаточно времени для того, чтобы можно было оценить этот эксперимент и сделать выводы о его результатах и, в частности, о том, были ли достигнутые поставленные в его начале цели. Неудивительно, что в англоязычной прессе появилась публикация представителя сторонников запрета телесных наказаний, предлагавшая оценку изменений в шведском обществе, произошедших ко времени, когда выросло первое «поколение без битья»¹⁰⁹. Анализируя шведские статистические данные за 1981-1994 гг.¹¹⁰, Джоан Даррант, автор исследования, пришла к выводу о том, что запрет телесных наказаний принес в Швеции весьма позитивные плоды: в Швеции стало меньше родителей, одобряющих телесные наказания детей, они стали реже применяться, уровень насилия над детьми уменьшился, была создана позитивная система добровольного сопровождения родителей со стороны государства. Эти выводы были широко распространены в СМИ сторонниками запрета телесных наказаний детей.

Однако выводы, сделанные Джоан Даррант, были подвергнуты серьезной критике и доказательно опровергнуты профессором Ларзелером в ряде его публикаций¹¹¹.

Кратко проанализируем утверждения, сделанные в публикациях сторонников запрета телесных наказаний, и факты, опровергающие их.

¹⁰⁸ См., в частности, пояснения Швеции в деле ЕСПЧ «Семь физических лиц против Швеции», упоминавшемся ранее.

¹⁰⁹ Durrant, J. E. (1999). Evaluating the success of Sweden's corporal punishment ban. *Child Abuse & Neglect*, 5, 435-448.

¹¹⁰ Их английский перевод можно найти здесь:

<https://web.archive.org/web/20150916101509/http://humansciences.okstate.edu/facultystaff/Larzelere/swedenstat.htm>

<http://www.lifescienceglobal.com/home/cart?view=product&id=529>

¹¹¹ Larzelere, R.E. Sweden: Data doesn't support success claims, *Families First*, Issue 2 (Autumn 2001), p. 12-15 // Larzelere, R. E. Sweden's smacking ban: more harm than good, *Families First*, 2004 (материалом этой публикации мы обширно пользовались в нашей работе).

См. также:

<https://web.archive.org/web/20140221065334/http://humansciences.okstate.edu/facultystaff/Larzelere/sweden2.html>

Вопреки утверждениям сторонников запрета, в результате его введения шведские родители не стали более негативно к ним относиться. В 1965 г. 53% шведских родителей соглашались с утверждением о том, что «ребенка время от времени необходимо телесно наказывать». К 1978 г., т.е. без всякого законодательного запрета, эта цифра снизилась до 26%¹¹². На том же уровне она оставалась и после запрета, в 1979 и 1981 гг., после чего этот вопрос родителям более не задавали¹¹³. Однако во время опроса 1994-1995 гг. задавался очень близкий вопрос – о согласии с утверждением «легкие или средние телесные наказания иногда являются необходимым воспитательным методом, но их следует применять обдуманно и не под влиянием гнева». Около 34% шведских родителей оказались согласны с этим утверждением¹¹⁴, т.е. **процент родителей одобряющих умеренные телесные наказания вырос с момента законодательного запрета**.

Данные того же опроса показывают, что и **уровень реального применения телесных наказаний снизился крайне незначительно**. Отцы физически наказывали 32% респондентов в возрасте 13-15 лет, родившихся после 1979 г., в то время как в более ранних поколениях эти цифры составляли 34%. Матери наказывали физически 31% респондентов в возрасте 13-15 лет, родившихся после 1979 г. (36% в предыдущих поколениях). В еще меньшей степени изменилась ситуация с физическими наказаниями подростков. По данным опроса 17% 13-15 летних детей, родившихся после запрета, физически наказывались своими отцами в подростковом возрасте, в то время как в прежних поколениях эта цифра составляла 16%, то есть была меньше (во всяком случае, точно не больше, даже если учесть разницу в 1% случайной). Тот же показатель, но в отношении физических наказаний в подростковом возрасте, получаемых от матерей, не изменился и составлял 16%.

Уровень насилия над детьми со стороны родственников не уменьшился, а вырос со времени введения запрета. Их относительная частота с 1981 по 1994 г. увеличилась на 489%, т.е. возросла в шесть раз¹¹⁵. Наблюдался и рост преступных нападений на детей по населению в целом, причем со стороны преступников, принадлежащих ко всем возрастным группам. Сторонники запрета пытаются объяснить этот факт тем, что в результате изменений законодательства в полицию стали чаще обращаться в связи с действиями, ранее не считавшимися преступлениями. Если бы это объяснение было верным, наблюдался бы лишь рост частоты преступлений против детей в целом, а уровень тяжкого насилия и особенно смерти детей в результате преступлений должен был бы снижаться. Однако это не так. Уровень серьезных преступлений против детей (влекущих наказание в виде лишения свободы на срок от 1 до 10 лет) за тот же период вырос на 388 процентов (в пять раз).

Особенно показателен тот факт, что после введения запрета на применение телесных наказаний серьезно **возросла частота серьезных преступлений, совершаемых детьми против своих сверстников**. Она увеличилась на 519%, т.е. более, чем в шесть раз. Следует подчеркнуть, что речь идет

¹¹² Solheim, J S (1982) A cross-cultural examination of use of corporal punishment on children: a focus on Sweden and the United States. Child Abuse and Neglect, 6, 147-154.

¹¹³ Ziegert, K A (1983) The Swedish prohibition of corporal punishment: a preliminary report. Journal of Marriage and the Family, 45, 917-926.

¹¹⁴ Sanden, A & Lundgren, L (1997) Spanking of children much less common. Statistiska centralbyran. <http://www.scb.se/scbeng/vhtm/barnaga.htm>

¹¹⁵ Wittrock, U (1992) Barnmisshandel I kriminalstatistiken 1981-1991. KR Info, 1992, 7; Wittrock, U (1995) Barnmisshandel, 1984-1994. KR Info, 1-6.

именно о тех детях, которые родились и выросли после введения законодательного запрета телесных наказаний в семье.

Профессор Ларзелер справедливо отмечает, что нет оснований приписывать такую динамику исключительно введению запрета на применение телесных наказаний детей, поскольку она может быть вызвана различными факторами. Он, однако, отмечает, что и объяснить эти изменения не в контексте запрета едва ли возможно. В любом случае, следует признать, что **цели введения запрета телесных наказаний детей в области предупреждения серьезного насилия достигнуты не были.**

Эти данные – серьезный повод для размышления о том, может ли запрет телесных наказаний в семье принести добрые плоды, послужив благу общества в целом. Создается впечатление, что такой запрет может привести к существенно более общественно опасным последствиям, чем те отдельные случаи серьезного насилия, которые иногда имеют место в странах, где телесные наказания в семье разрешены.

Отдельно следует рассмотреть вопрос о том, реализовало ли государство в Швеции менее карательный подход к семье, как это планировалось при введении запрета телесных наказаний. Увы, факты не подтверждают и это предположение. **Уровень вмешательства государства в семейную жизнь существенно возрос, что приводит к разрушению множества семей в Швеции.** Действительно, многие семьи в Швеции сегодня соглашаются на участие в добровольных программах сопровождения, однако, это весьма сомнительная «добровольность». Фактически, родители встают перед выбором, будет ли их «социальная реабилитация» осуществляться через принудительную или через «добровольную» программу. В случае, если у родителей принудительно забирают ребенка, им позволяют затем видеться с ним лишь раз в месяц, под бдительным надзором социальных работников¹¹⁶. Именно по этой причине многие родители соглашаются на «добровольную» программу. Хотя в результате участия в таких программах большое число детей все равно изымается из семьи (это происходило в 37% новых случаев в 1995 и в 54% новых случаев в 1982 г.¹¹⁷), но родителям, по крайней мере, позволяют в этом случае чаще видеться с детьми и у них больше шансов, в конце концов, вернуть детей в семью.

Число детей, принудительно отбираемых у семей, выросло с 1982 по 1995 г.г. на 7%¹¹⁸. При этом то, что называется на языке шведских социальных служб «меры по поддержке и заботе», в 46% случаев приводит к изъятию детей из семьи (на 1995 г., в 1982 г. эти цифры составляли 60%)¹¹⁹.

Таким образом, «более ранняя идентификация проблем», которая должна была приводить не к карательным, а к более ранним вмешательствам «для поддержки семьи», приводит к разрушению семей как минимум у 46 из каждой сотни детей, подвергнутых «мерам по поддержке и заботе». По сообщениям различных источников, в Швеции от 15 тыс.¹²⁰ до почти 23 тыс.¹²¹ детей, нахо-

¹¹⁶ Westerberg, S (1999), How parents were deprived of their rights in Sweden. London: Family Education Trust.

¹¹⁷ Durrant, J. E. (1999). Evaluating the success of Sweden's corporal punishment ban. *Child Abuse & Neglect*, 5, 435-448.

¹¹⁸ Durrant, J E (2000) A Generation Without Smacking: The impact of Sweden's ban on physical punishment. London: Save the Children.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Westerberg, S (1999), How parents were deprived of their rights in Sweden. London: Family Education Trust.

дящихся на государственном попечении. Для сравнения, в Великобритании это число составляет около 40 тыс. детей – в два раза больше, чем в Швеции, притом, что численность населения в Великобритании превышает шведскую в семь раз.

Едва ли такую систему «заботы о детях и семьях» можно одобрить и счесть ее «мягкой и поддерживающей». Между прочим, примерно такую систему предлагают сегодня ввести в России под именем социального патроната¹²².

Итак, необходимо признать, что социальные изменения, произошедшие в Швеции после введения законодательного запрещения телесных наказаний в семье, в отношении как насилия над детьми, так и государственного насилия над семьями крайне негативны. Хотя нельзя однозначно утверждать, что они связаны с запретом на применение телесных наказаний в семейном воспитании, можно сделать вполне обоснованное предположение, что такое решение внесло свой вклад в развитие сегодняшних проблем в Швеции. На примере Швеции также хорошо видно, что законодательный запрет телесных наказаний не приводит к улучшению положения детей и их лучшей защите от насилия, но зато ведет к усиленному контролю государства над внутренней жизнью семьи и разрушению семей.

¹²¹ Durrant, J E (2000) A Generation Without Smacking: The impact of Sweden's ban on physical punishment. London: Save the Children.

¹²² Так, в публикации на сайте Общественной Палаты РФ, член ОП РФ Елена Леонидовна Николаева прямо признается, что под патронатом имеется в виду, по сути, принудительное вмешательство в семью под прикрытием «добровольности»: «Тут следует отметить, что у родителей, попавших в поле зрения соцслужб, выбор будет, мягко говоря, невелик: либо согласиться на патронат, либо расстаться с детьми. Ну, а сейчас у «проштрафившейся» мамы какая альтернатива? Нулевая». См.: <https://www.oprf.ru/blog/?id=279>

Общественное мнение

Сторонники запрета телесных наказаний детей часто утверждают, что они должны быть запрещены, так как «общество считает их неприемлемыми». Насколько же верно это утверждение? Несомненно, обширная пропаганда, которую ведут повсеместно сторонники запрета телесных наказаний через финансируемые ими организации и группы, приводит к определенным изменениям в общественном мнении. Однако действительно ли общество считает телесные наказания детей «неприемлемыми» и согласно с необходимостью введения их запрета?

Данные по Швеции (телесные наказания запрещены в 1979 г.) уже приводились нами выше, при рассмотрении результатов запрета там телесных наказаний детей.

Рассмотрим теперь данные по некоторым другим странам, в которых уже запрещены телесные наказания.

Интересные данные по этому поводу предоставляет нам одна из ведущих международных организаций – сторонников запрета телесных наказаний – уже упоминавшаяся нами «Глобальная инициатива по прекращению любых телесных наказаний детей». На сайте этой организации¹²³ представлены ее отчеты по различным государствам, в которых, в том числе, изложены данные о том, какова ситуация с телесными наказаниями детей в обществе в той или иной стране.

Логично полагать, что если общество считает некую практику «неприемлемой», это значит, что к этой практике в данном обществе прибегает явное меньшинство людей. В случае же, если некая практика достаточно распространена в обществе и ее использует более половины жителей той или иной страны, трудно говорить об «общественном отрицании» такой практики.

Так, в Германии (телесные наказания запрещены в 2000 г.), согласно исследованию 2007 года¹²⁴, 68% немецких родителей шлепали своих чад по попе. Только 38% заявили, что «никогда не наказывали своих детей физически» (очевидно, судя по предыдущей цифре, не считая таким наказанием пресловутый «шлепок по попе», вопреки определению Комитета ООН по правам ребенка). Большинство опрошенных (87%) считало, что родитель «должен использовать как можно меньше телесных наказаний». Однако такой ответ указывает на то, что в принципе отвечавшие согласны с тем, что они могут использоваться.

По данным правительственного исследования 2001 г.¹²⁵, 28% родителей редко использовали телесные наказания и старались, по возможности, не использовать их. 54% родителей часто использовали легкие, но никогда «серьезные» телесные наказания, 17% часто использовали «серьезные» телесные наказания. Лишь 26,4% родителей сообщили, что никогда не били детей по попе. Иными словами, только чуть более четверти немецких родителей не шлепали детей, а те или иные виды телесных наказаний применяли, как следует из приведенных цифр, в общей сложности 99% немецкого общества¹²⁶.

¹²³ <http://www.endcorporalpunishment.org/progress/country-reports/>

¹²⁴ Bussmann, K. D. (2009), The Effect of Banning Corporal Punishment in Europe: A Five-Nation Comparison, Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

¹²⁵ Federal Ministry of Justice & Federal Ministry for Family Affairs, Senior Citizens, Women and Youth, 2003, Violence in upbringing: An assessment after the introduction of the right to a non-violent upbringing

¹²⁶ <http://www.endcorporalpunishment.org/progress/country-reports/germany.html>

В Украине (телесные наказания запрещены в 2004 году), согласно данным исследования 2009 года¹²⁷, лишь 35% родителей согласились с тем, что телесные наказания никогда не должны использоваться. Из остальных родителей 51% опрошенных были согласны с тем, что их «вообще-то применять не следует, но, в определенных ситуациях это оправдано», а 12% сочли, что их «можно использовать»¹²⁸.

В Австрии (телесные наказания запрещены в 1989 г.), по данным исследования 2007 г.¹²⁹, 64% родителей шлепали детей по попе. Лишь 30% австрийских родителей никогда не использовали телесные наказания. С тем, что их следует использовать «как можно реже» (такой ответ, очевидно, предполагает согласие с возможностью их использования в отдельных случаях), были согласны 89% опрошенных¹³⁰.

В Испании (телесные наказания запрещены в 2007 г.), по данным опроса 2007 года¹³¹, 80% родителей шлепали детей по попе. Лишь 16% испанских родителей никогда не использовали телесных наказаний в воспитании. С тем, что их следует использовать «как можно реже» (т.е. иногда это возможно), были согласны 84% опрошенных¹³².

В Польше (телесные наказания запрещены «решением сверху» в 2010 г.), по данным опроса 2009 года¹³³, родители шлепали 61% детей. Лишь 38% поляков считали, что телесные наказания никогда не должны применяться. Отметим, что в 2001 г.¹³⁴ такое мнение разделяли 48% респондентов, т.е. за девять лет число разделяющих его снизилось¹³⁵.

Приведенных данных вполне достаточно для того, чтобы можно было вполне уверенно говорить, что во многих странах, в которых, под давлением тех или иных сил, был введен запрет телесных наказаний детей, это вовсе не отражает общую практику и отношение общества к таким наказаниям. При этом следует отметить, что тот факт, что подобные опросы проводят, как правило, организации – противники телесных наказаний, причем на фоне усиленной пропаганды в сторону своих взглядов. Это может приводить к искажению результатов, поскольку многие родители могут опасаться открыто говорить о своих педагогических убеждениях во время таких опросов.

Очень хорошо отражает отношение сторонников запрета телесных наказаний к общественному мнению история, связанная с их запретом в **Новой Зеландии** (телесные наказания детей запрещены с 2007 г.). Эта история хорошо демонстрирует и то, как сторонники запрета телесных наказаний детей обращаются с фактами. Согласно данным, предлагаемыми нам «Глобальной инициативой по прекращению любых телесных наказаний детей»¹³⁶, по данным исследования 2007 г.¹³⁷,

¹²⁷ Child Well Being Fund Ukraine (2009), Public opinion monitoring in Ukraine: July 2009.

¹²⁸ <http://www.endcorporalpunishment.org/progress/country-reports/ukraine.html>

¹²⁹ Busmann, K. D. (2009), The Effect of Banning Corporal Punishment in Europe: A Five-Nation Comparison, Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

¹³⁰ <http://www.endcorporalpunishment.org/progress/country-reports/austria.html>

¹³¹ Busmann, K. D. (2009), The Effect of Banning Corporal Punishment in Europe: A Five-Nation Comparison, Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

¹³² <http://www.endcorporalpunishment.org/progress/country-reports/spain.html>

¹³³ Nobody's Children Foundation (2009), Warsaw teachers' attitudes toward child abuse: research report.

¹³⁴ Fluderska, G. & Sajkowska, M. (2001), The Problem of Child Abuse in Poland: Attitudes and Experiences, Warsaw: Nobody's Children Foundation

¹³⁵ <http://www.endcorporalpunishment.org/progress/country-reports/poland.html>

¹³⁶ <http://www.endcorporalpunishment.org/progress/country-reports/new-zealand.html>

проведенного новозеландским аналогом Уполномоченного по правам ребенка – Детским Комиссаром - лишь 28% граждан были противниками закона, запрещающего семейные телесные наказания. Эти данные несколько удивляют, поскольку, по результатам того же опроса, 58% родителей считают, что в некоторых случаях вполне допустимо шлепнуть ребенка.

Впрочем, результаты вполне объяснимы, если учесть, что именно Детский Комиссар выступил с инициативой запретить телесные наказания детей дома, включая шлепки, в 1999 году¹³⁸. После долгих общественных споров на эту тему, в 2006 г. был принят закон, запрещающий шлепки и криминализующий их, вступивший в силу в следующем году. Однако граждане Новой Зеландии категорически отказывались признавать это нововведение и, в 2009 году, инициировали референдум на эту тему. Вопрос референдума был поставлен следующим образом: «Должен ли шлепок, как часть хорошего родительского воспитания, быть в Новой Зеландии уголовным преступлением?». Более 87% участников референдума отрицательно ответили на этот вопрос¹³⁹, выразив, таким образом, очевидное почти всеобщее отрицательное общественное отношение к принятому закону.

Несмотря на четко выраженное общественное мнение, правительство отказалось отменять отвергаемый обществом закон, что привело к массовым общественным протестам. Так, в 2009 году, более 4000 граждан, включая родителей с детьми, провели в Окленде марш протеста против действий правительства, не учитывающих мнение общества¹⁴⁰.

Следует отметить, что в данных «Глобальной инициативы» нет упоминаний о проведенном референдуме и его результатах.

Эта история, как представляется, очень хорошо иллюстрирует отношение лобби сторонников запрета телесных наказаний к семейной культуре самых разных стран и к общественному мнению их граждан.

Еще один интересный пример имел место в **Тайланде**. Хотя он связан с применением телесных наказаний в школе, а не в семье, он тоже достаточно иллюстративен. В 2005 году Министерство образования Тайланда запретило применение порки в школах страны, где до этого она применялась на законных основаниях. В 2011 году Совет Студентов (Student's Council) обратился к министерству с призывом изменить существующие правила, вновь разрешив телесные наказания в школах.

После этого был проведен социологический опрос, охвативший около полутора тысяч учителей, учащихся и родителей. Призыв Совета поддержали 54% опрошенных, при условии, что детей будут наказывать за дело, и применение наказаний будет разумным, ограниченным определенными проступками и подконтрольным. По мнению 34% опрошенных, такими проступками должны быть признаны употребление алкоголя, курение, азартные игры и незаконные сексуальные отно-

¹³⁷ UMR Research (2008), Omnibus Survey Report: One year on: Public attitudes and New Zealand's child discipline law, Office of the Children's Commissioner

¹³⁸ Smacking should be illegal: commissioner, Otago Daily Times, 15 December 1999 // Smacking a rights issue, Otago Daily Times, 16 December 1999.

¹³⁹ PM to address smacking referendum result, New Zealand Herald, Auckland, 24 August 2009 // Официальные результаты референдума:

http://www.electionresults.govt.nz/2009_citizens_referendum/2009_referendum_results.html

¹⁴⁰ Kieran Nash, Protesters march on city, Herald on Sunday, Auckland, 22 November 2009

нения, по мнению 28% опрошенных к ним должны относиться также драки, а 21% опрошенных отнес к ним прогул уроков в школе¹⁴¹.

Однако министр образования отказался изменять правила, ссылаясь на свое собственное негативное отношение к телесным наказаниям. Он заметил, что не одобряет их, несмотря на все возрастающее противоправное поведение учащихся в последние годы¹⁴².

Переходя к **России**, можно отметить, что общая картина, описанная нами выше, справедлива и для нашей страны.

Так, известный исследователь (противник телесных наказаний) И. С. Кон в своей книге «Мальчик – отец мужчины» (2010) приводит следующие данные:

«При опросе ФОМ в 2004 г. телесные наказания детей сочли допустимыми свыше половины – 54 % россиян, против высказались 47 %. <...>

При опросе ФОМ в 2008 г. с мнением, что телесные наказания детей школьного возраста «иногда необходимы», согласились 67 %.

В опросе Исследовательского центра портала SuperJob.ru (март 2008 г.) телесные наказания сочли необходимым методом воспитания лишь 9% россиян. Некоторые считают, что такая мера допустима только в отношении мальчиков. Другие апеллируют к собственному опыту: «Нас же тоже шлепали, и ничего... Выросли нормальными». «На себе испытала – полезно». Что физическое воздействие на детей с воспитательными целями крайне нежелательно и допустимо только в исключительных случаях, считают 61 % россиян. Но лишь 30 % считают телесное наказание детей в принципе недопустимым <...>.

Мужчин, считающих телесные наказания неотъемлемой частью воспитательного процесса, вдвое больше, чем женщин (12 % против 6 %), а неприемлемыми их считают 34 % женщин и 25 % мужчин. Чаще других о пользе шлепка и подзатыльника говорили люди старше 50 лет, а наибольшее число их противников – среди молодежи до 20 лет. Категорически против телесных наказаний 25 % россиян, имеющих детей, и каждый третий (33 %) среди бездетных. <...>»¹⁴³.

Таким образом, очевидно, что российское общество в целом вовсе не считает телесные наказания неприемлемыми. Эти данные, конечно, можно интерпретировать по-разному. Сторонники запрета телесных наказаний используют их для того, чтобы, «схватившись за голову» призвать (вопреки общественному мнению) к немедленному запрету телесных наказаний. Как было показано выше на примере Швеции, такой запрет, между прочим, не ведет к уменьшению применения телесных наказаний, а лишь делает более уязвимой семью, создавая условия для ее разрушения.

Обратим внимание на результаты еще одного исследования, проведенного по заказу «Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации» в 2009 г. Институтом социологии РАН¹⁴⁴. В отчете о проведенном исследовании авторы пишут:

«В российском обществе физическое наказание детей имело широкое распространение. <...>»¹⁴⁵.

¹⁴¹ Many Thais favour use of cane for unruly youths: poll, The Nation on Sunday, January 16, 2011

¹⁴² Minister gives thumbs down to a curfew and caning, The Nation, January 17, 2011

¹⁴³ http://fictionbook.ru/author/igor_kon/malchik_otec_mujchiny/read_online.html?page=25

¹⁴⁴ Отчет об исследовании:

<http://www.ya-roditel.ru/professionals/research/files/issledovanie--semiya-roditelstvo.pdf>

И, далее, указывают, приступая к анализу данных о современных семьях (выделение наше):

«Если физическое наказание – это действительно нормативное действие, разрешаемое и предписываемое культурой, то и нынешнее поколение родителей должно в той же мере использовать его в своих семейных практиках. Данные исследования убедительно подтверждают данную гипотезу: 51,8% современных родителей прибегали к физическому наказанию в воспитательных целях; 1,8% утверждает, что делали это часто, 17,8% – иногда, а 31,4% – редко»¹⁴⁶.

Иными словами, исследователи подтверждают, что российская культура разрешает и поддерживает применение телесных наказаний детей в воспитании. Более половины российских родителей использует этот метод (44,5% отцов и 56,8% матерей).

«Только 36,9% опрошенных уверены в том, что физические наказания вредны и должны быть исключены из практик воспитания; почти треть опрошенных (33,6%), хотя и признают вред физических наказаний, полагают, что в некоторых случаях они могут применяться. Около пятой части опрошенных полагают, что в некоторых случаях физические наказания даже могут быть полезны для ребенка, а 5,6% убеждены в том, что обойтись без них нельзя»¹⁴⁷.

Иными словами, очевидное большинство россиян считают телесные наказания детей, в принципе, допустимыми в воспитании, более половины российских родителей применяет их на практике. После этого совершенно невозможно говорить, что «общество не примет телесные наказания детей». Даже в возрастной группе 16-19-летних, 57,3% опрошенных считают, что телесные наказания необходимы или допустимы в том или ином случае¹⁴⁸.

По данным того же исследования, даже в экспертной группе мнение о допустимости телесных наказаний неоднородно¹⁴⁹:

«По вопросу о допустимости физических наказаний мнения экспертов разделились. Так, некоторые из экспертов считают, что физические наказания недопустимы ни при каких обстоятельствах. Данная позиция обосновывается следующим образом. Во-первых, физические наказания безусловно вредны, так как, помимо физических страданий, причиняемых ребенку, унижают его личность, наносят психологическую травму, пробуждают и развивают в ребенке негативные эмоции и черты характера (злость, обиду, мстительность, жестокость, агрессию), снижают самооценку»¹⁵⁰.

Отметим здесь, что выше мы уже приводили данные, не поддерживающие эти распространенные «экспертные» представления.

«Наряду с изложенной выше точкой зрения, в ходе исследования экспертами было высказано и другое мнение – о том, что в определенных ситуациях и в определенных пределах физические наказания допустимы и могут быть полезны»¹⁵¹.

¹⁴⁵ Отчет, с. 40.

¹⁴⁶ Отчет, с. 42.

¹⁴⁷ Отчет, с. 43.

¹⁴⁸ Отчет, с. 44.

¹⁴⁹ И это несмотря на то, что эта группа подвергается наиболее частому идеологическому прессингу со стороны сторонников запрета телесных наказаний! То же можно сказать и о других «экспертных» обоснованиях высказанной позиции, приведенных в отчете.

¹⁵⁰ Отчет, с. 45.

¹⁵¹ Отчет, с. 47.

«Противоречивые суждения экспертов по поводу допустимости физических наказаний подтверждают факт неоднозначного отношения к данному методу воспитания в современном российском обществе. С одной стороны, как признает большинство экспертов, применение физических наказаний является в настоящее время устойчивой воспитательной практикой. С другой – применение физического наказания нормативно не закреплено в массовом общественном сознании. Более того, физическое наказание рассматривается как отклонение от нормы и осуждается, к примеру, в средствах массовой информации»¹⁵² (выделение наше).

Фактически, отчет показывает, что в российском обществе сложилось напряжение, связанное с двумя факторами. Одним из них является спокойное восприятие возможности использования умеренных телесных наказаний при воспитании детей в российской родительской культуре и в общественном мнении в целом (судя по практике). Другим – осуждение этого метода, внедряемое в общество путем направленной деятельности таких организаций, как «Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации», через массовое информационное поле, например, через СМИ.

Наконец, мы уже упоминали широкое общественное возмущение попыткой ввести норму, которая могла повлечь уголовное преследование родителей за любое применение физических наказаний в воспитании в 2016-2017 году. Это возмущение привело к отмене соответствующей нормы в 2017 году.

Речь, таким образом, не может идти о неприятии общества в отношении умеренных воспитательных телесных наказаний детей в семье, а лишь о попытках создать это неприятие.

Интересно, что и сами дети вовсе не всегда отрицательно относятся к воспитательному применению телесных наказаний. Так, опрос учеников одной из школ г. Комсомольск-на-Амуре, проведенный в 2004 году, результаты которого были опубликованы в «Учительской газете»¹⁵³, дали «неожиданные» результаты: однозначно против телесных наказаний высказались только 23,5% учащихся (менее четверти), 10,5% признали их значимость, а 65,8% *«согласилось с возможностью их применения в исключительных случаях»*. Иными словами, подавляющее большинство школьников оказались вовсе не противниками телесных наказаний. Характерно, что большинство школьников поддержали именно наказания в семье, но не в школе – 72,3% сочли, что право наказывать должно быть только у родителей, 66,6% – что только родители должны решать, наказывать или нет.

Интересно, что аналогичные оценки давали и только что выросшие из детского возраста молодые люди – студенты, опрошенные в Санкт-Петербурге, и в детском возрасте подвергавшиеся физическим наказаниям как пишет об этом И.С. Кон:

«Самое же грустное: 82% петербургских студентов сказали, что применявшиеся к ним методы телесного воздействия были необходимы, а 61% — что полностью одобряют битье как способ воспитания»¹⁵⁴.

¹⁵² Отчет, с. 48.

¹⁵³ Бить! Но дома: телесные наказания глазами учителей и учеников, Учительская газета, 29 июня 2004 года (<http://www.ug.ru/archive/4548>).

¹⁵⁴ http://www.mn.ru/newspaper_freetime/20110429/301511111.html

Однако такие опросы – это как раз тот случай, когда «мнение ребенка», учитывать которое призывает Конвенция ООН о правах ребенка, едва ли будет учтено сторонниками запрета телесных наказаний. Вместо этого они стараются включать соответствующую информацию в учебные программы и детские мероприятия, чтобы индоктринировать детей идеей о том, что наказывать их не имеют права. То, что, тем самым, активно создается разлад между детьми и родителями, вовсе не вызывает у них смущения. Они, безусловно, считают, что лучше родителей и самих детей знают, что относится к т.н. «наилучшим интересам ребенка»¹⁵⁵.

Совершенно очевидным образом, мнение об «общественном отрицании» применения телесных наказаний в семейном воспитании детей не учитывает и оценок значительного числа россиян, принадлежащих ко многим традиционным религиозным общинам.

Так, большинство **православных христиан** считают, что в воспитании детей родители, в принципе, могут использовать телесные наказания. Право, и даже обязанность родителей воспитывать детей, в том числе и наказывать их, следует из текстов Священного Писания, которые, с одной стороны, считают наказания детей, в том числе и телесные, нормальными и иногда необходимыми в воспитании (см., к примеру, уже приводившийся текст Евр. 12, 6-8, а также ряд ветхозаветных текстов, на которые, в новозаветном контексте, неоднократно ссылается церковная традиция), а с другой – призывают к умеренности в воспитании детей, к тому, чтобы родители «не раздражали» их (ст. Еф. 6,4).

Представления о допустимости телесных наказаний при воспитании детей, о том, что право на их применение должно быть у родителей ребенка, отражено и в текстах авторов, причисленных к лику святых, чье мнение имеет для православных христиан высокий авторитет:

«Юнии ненаказанные и в возраст пришедшие суть как кони необученные и свирепеющие. Посему, христиане, любите детей своих и наказуйте их. Пусть они ныне болезнуют телом, пока молоды, дабы и по себе ты не болезновал о них сердцем. Пусть они плачут от тебя, чтобы не плакал ты от них и о них. Впрочем, умеренность во всем похвальна и потребна» (свт. Тихон Задонский, цит. по проповеди о воспитании детей свт. Луки (Войно-Ясенецкого))¹⁵⁶.

«Телесное наказание есть как первое, так и последнее, то есть самое строгое и чувствительное средство наказания, и потому должно быть употребляемо как можно реже и только при самых серьезных и важных проступках дитяти, и при том тогда только, когда все другие средства оказались бесплодными <...>

Главным основанием наказания должна быть любовь, а единственною целью его – исправление дитяти. Отсюда следует, что наказание должно быть отеческим и никогда не должно переходить в жестокость; особенно оно не должно совершаться во гневе <...>» (Священномученик Владимир (Богоявленский))¹⁵⁷.

«Не должно, наконец, забывать смиренного и вместе самого действительного средства исправления — телесного наказания. Душа образуется через тело. Бывает зло, коего нельзя изгнать из души без уязвления тела. Отчего раны и большим полезны, тем паче — малым. Любяй сына своего, участит ему раны, го-

¹⁵⁵ См. ст. 3 Конвенции ООН о правах ребенка.

¹⁵⁶ http://www.pravmir.ru/article_3413.html

¹⁵⁷ Священномученик Владимир (Богоявленский). Беседы о православном воспитании детей. — Мн.: Свято-Елисаветинский монастырь, 2004. — 80 с. С. 74 и далее.

ворит премудрый Сирах (Сир. 30:1). Но само собою разумеется, что к такому средству надо прибегать в случае нужды» (свт. Феофан Затворник)¹⁵⁸.

Неудивительно, что многие представители православных общин вовсе не одобряют попытку запретить родителям использование традиционных педагогических средств. Так, выступая по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с заявлением в связи с обращениями об опасности введения системы ювенальной юстиции, председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин выразил недовольство тенденцией к криминализации воспитательных наказаний в семье:

«Бывают случаи, когда от малообеспеченного родителя требуют выделения средств ребенку на «карманные расходы», а заслуженное физическое наказание может обернуться для родителей лишением свободы»¹⁵⁹.

Протоиерей Всеволод Чаплин далее сообщил, что Русская Православная Церковь разделяет озабоченность людей, не одобряющих подобные тенденции.

Официальную позицию по этому вопросу высказала также в связи с попытками преследования родителей за умеренные физические наказания детей Патриаршая комиссия по вопросам семьи, защиты материнства и детства Русской Православной Церкви.

В 2014 году это Патриаршая комиссия подробно прокомментировала попытку ужесточить преследование родителей за умеренные физические наказания детей¹⁶⁰. В ее позиции, в частности, отмечено:

«Православные родители призваны воспитывать своих детей в любви и наставлении, заботясь как об их временном благе, так и об их вечном спасении. Священное Писание, как Ветхого, так и Нового Заветов указывает на то, что одним из проявлений родительской любви является и забота об исправлении несовершенств и проступков детей, в том числе и посредством родительского наказания. Недвусмысленны свидетельства Священного Писания о возможности, а иногда и необходимости применения родителями в том числе и физических наказаний (Прит. 22, 15; 23, 13-14; 29:15; Евр. 12,6-11). О том же в своих наставлениях, посвященных воспитанию детей, неоднократно свидетельствовали и почитаемые Православной Церковью святые. Все это не позволяет православным христианам считать умеренное использование родителями телесных наказаний в воспитании детей чем-то заведомо дурным или недопустимым.

Разумеется, любое наказание, применяемое по отношению к ребенку не из побуждений любви, заботы о его воспитании и подлинном благе, может превратиться в греховное, неподобающее действие и даже в тяжкий грех. Никакие воспитательные мотивы не могут также оправдать причинение реального вреда здоровью детей. Однако в этом случае источником вреда становится не родительское наказание как таковое, а неразумность и неумеренность действий воспитателей, в том числе и родителей. Священномученик Владимир, митрополит Киевский, писал в этой связи: «Телесное наказание есть как первое, так и последнее, т. е. самое строгое и чувствительное средство нака-

¹⁵⁸ <http://ni-ka.com.ua/index.php?Lev=nachertan>

¹⁵⁹ <http://www.patriarchia.ru/db/text/1212829.html>

¹⁶⁰ <http://pk-semya.ru/main-news/item/1950.html>

зания, и потому должно быть употребляемо как можно реже и только при самых серьезных и важных проступках дитяти и притом тогда только, когда все другие средства оказались бесплодными». При этом, говоря об использовании родительских наказаний в целом, он наставлял также: «Главным основанием наказания должна быть любовь, а единственной целью его - исправление дитяти. Отсюда следует, что наказание должно быть отеческим и никогда не должно переходить в жестокость; особенно оно не должно совершаться во гневе, ибо гнев человека, по выражению слова Божия, правды Божией не соделывает (Иак. 1, 20)».

Разумеется, неверно говорить о том, что применение физических наказаний необходимо или желательно в воспитании каждого ребенка. Достойны похвалы те семьи, которым удастся обеспечить надлежащее воспитание ребенка, его нравственное формирование, не прибегая к наиболее строгим воспитательным мерам. Однако это не может оправдать стремление законодательно запретить применение любых физических наказаний родителями, то есть искусственно ограничить права и возможности родителей в области воспитания детей.

...

Движение за законодательный запрет физических наказаний в семье, как исторически, так и в современной практике, весьма часто оказывается тесно связано с идеологиями, направленными на разрушение и умаление роли семьи как таковой, ограничение богоустановленных прав родителей, уничтожение традиционных нравственных и семейных ценностей, традиционной культуры семейного воспитания. В связи с этим православные христиане едва ли могут в доброй совести поддержать это движение и предлагаемые им тезисы».

В 2016 году в связи с общественными дискуссиями относительно уголовного преследования родителей за использование умеренных физических наказаний в воспитании детей, Патриаршая Комиссия опубликовала специальное заявление¹⁶¹, в котором, в частности, говорилось:

«Патриаршая комиссия по вопросам семьи, защиты материнства и детства выражает свою глубокую обеспокоенность в связи с недавним принятием законодателями новой редакции статьи 116 Уголовного кодекса Российской Федерации, которую в народе уже называют «Законом о запрете воспитания».

Если новая редакция статьи 116 Уголовного кодекса вступит в силу, это может привести к уголовному преследованию добросовестных родителей (с наложением наказания до двух лет лишения свободы) за любое, даже умеренное и разумное использование физических наказаний в воспитании детей. При этом, как следует из текста закона, посторонние люди за такие же действия в отношении ребенка уголовной ответственности нести не будут.

Патриаршая комиссия считает, что эта норма не имеет нравственных оправданий и юридических оснований, по своему содержанию направлена против семьи и принятого в

¹⁶¹ <http://pk-semya.ru/novosti/item/5447.html>

российской культуре понимания прав родителей, дискриминационна, противоречит основным принципам здоровой государственной семейной политики и не учитывает традиционные семейные и нравственные ценности российского общества. Ее практическое применение принесет обществу и его нравственной жизни значительно больше вреда, чем пользы.

Не вызывает никаких сомнений, что дети должны быть защищены от действительно преступных действий, кем бы они не совершались, особенно когда речь идет о преступном насилии. Однако нет никаких реальных оснований для того, чтобы приравнять к таким преступным посягательствам разумное и умеренное применение любящими родителями в воспитании ребенка физических наказаний.

В российском обществе уже несколько веков идут педагогические дискуссии, в которых выражаются различные мнения в отношении оправданности и разумности использования таких воспитательных наказаний. Патриаршая комиссия убеждена, что, вопрос о выборе тех или иных методов воспитания детей, не причиняющих им какого-либо реального вреда, должен оставаться предметом подобных дискуссий и свободных решений родителей, а не принудительного законодательного регулирования.

Уголовное преследование родителей за использование в воспитании детей тех или иных методов, не наносящих вреда их здоровью и развитию, противоречит основополагающим принципам российского уголовного права, которые не допускают уголовного преследования за деяния, не сопряженные с какими-либо общественно опасными последствиями.

Патриаршая Комиссия обращает особое внимание на то, что ни из Конституции Российской Федерации, ни из корректного толкования общепринятых норм международного права и международных договоров Российской Федерации не следует необходимость законодательного запрета разумного и умеренного применения физических наказаний в семейном воспитании детей. Из них, тем более, не следует необходимость или желательность уголовного или любого иного преследования добросовестных родителей за их использование.

Православные христиане, разумеется, на практике могут иметь разные взгляды и убеждения по вопросам воспитания своих детей, желательности и допустимости использования в воспитании тех или иных подходов и методов, включая и средства семейной дисциплины. Однако не подлежит сомнению, что как Священное Писание (Прит. 22, 15; 23, 13-14; 29:15; Евр. 12,6-11 и др.), так и Священное Предание Православной Церкви рассматривает возможность разумного и любовного использования физических наказаний в качестве неотъемлемой части установленных Самим Богом прав родителей. Таким образом, попытки искусственного законодательного ограничения этого права родителей противоречат учению Православной Церкви.

По мнению Патриаршей комиссии, любые попытки искусственно сузить основополагающие права родителей под предлогом защиты неверно понимаемых прав детей являются важной частью повсеместно наблюдаемых в современных обществах нападениях на семью и связанные с нею традиционные духовные и нравственные ценности. Эти

нападения тесно связаны с радикальными антисемейными идеологиями, отрицающими саму богоданную природу человека и имеющими, с христианской точки зрения, откровенно сатанинский характер.

Но даже для тех, кто не разделяет такого суждения, должно быть вполне очевидна абсурдность предполагаемого новой редакцией статьи 116 Уголовного кодекса наказания (до двух лет лишения свободы), в случае его применения к добросовестным родителям за воспитательное воздействие на ребенка. Ведь такое наказание будет явно избыточным и несоразмерным, нанесет самому ребенку тяжкий и непоправимый вред. Потеря родителей на долгое время – настоящая травма, уж явно более глубокая, чем шлепок пониже спины».

Возможность применения телесных наказаний признается также и в традиционных педагогических представлениях **мусульман-суннитов**. Так, согласно одному из авторитетных хадисов (преданий о жизни пророка Мухаммада, поступки и изречения которого являются примером и образцом для подражания мусульман) дается предписание использовать телесные наказания в религиозном воспитании детей. Согласно хадису, пророк Мухаммад сказал:

«Приказывайте вашим детям молиться, когда им исполнится семь лет, и бейте (шлепайте) их, если они не делают этого, когда им исполнится десять лет» (Сунан Абу Дауд, 1/334; смотрите также Ирва аль-Галиль, 1/266).

Другие хадисы и мнения авторитетных мусульманских богословов разъясняют, что речь может идти лишь об умеренных телесных наказаниях, не причиняющих вреда ребенку.

Таким образом, имеющие долгую историю и серьезный вес педагогические представления, близкие многим последователям традиционных религиозных общин России, считают допустимым умеренное применение телесных наказаний детей в семье в воспитательных целях.

Все сказанное выше позволяет утверждать, что заявления, согласно которым умеренное применение телесных наказаний детей в воспитании считается в обществе неприемлемым, не соответствуют действительности и не имеют под собой оснований. Призывы к полному запрету телесных наказаний детей не соответствуют представлениям российского общества и традициям российской воспитательной культуры, для которой всегда были характерны как различные оценки использования телесных наказаний в воспитании детей, положительные и отрицательные, так и принцип, согласно которому право принимать решения в этом отношении должно оставаться за родителями ребенка. Помимо этого есть основания полагать, что призывы к полному запрету телесных наказаний без уважения относятся к педагогическим воззрениям многих последователей традиционных российских религиозных общин.

Необходимо признать, что сторонники законодательного запрета телесных наказаний детей в семье, добиваясь введения такого запрета в разных странах мира, игнорировали общественные установки, культуру воспитания, свойственную их народам, а иногда и открыто действовали вопреки явно выраженному общественному мнению их жителей. Представляется, что, с учетом приведенной выше фактической и правовой информации, такие действия будет справедливо оценить как недопустимые вмешательства в сферу национального суверенитета, насильственные вторжения в жизнь соответствующих народов в важной культурной области, которой является традиция воспитания детей.

Искажение фактов и манипуляции, как методы продвижения идеи запрета телесных наказаний и вмешательств в жизнь семьи

Как было показано выше, практически все аргументы сторонников законодательного запрета умеренных телесных наказаний детей в семье не выдерживают серьезной критики. Несомненно, впрочем, что многие прибегающие к ним люди находятся в добросовестном заблуждении, воспроизводя мнения, которые восприняли из СМИ, учебной литературы, пропагандистских материалов и т.п.

Вместе с тем, при продвижении запрета телесных наказаний, контроля над семьями в связи с ними используется в ряде случаев и прямое искажение фактов. Показателен в этом отношении пример из американской практики. Когда в 1994 г. американский Национальный Комитет по предотвращению насилия над детьми подвергли критике за публикацию в его статистическом отчете неточных и завышенных данных о насилии над детьми (в частности, за реальное число случаев насилия выдавалось количество «сигналов» о насилии, поступивших в службы защиты детей), Дебора Даро, один из авторов отчета, вполне честно сказала прессе:

«Наша задача не в том, чтобы сообщить людям абсолютную истину, а в том, чтобы дать им почувствовать глубину проблемы»¹⁶².

К сожалению, не исключено, что подобные методы не чужды и тем, кто борется с телесными наказаниями детей в России, неоправданно связывая их с тяжким насилием над детьми. Те или иные данные и утверждения используются для создания вполне определенной эмоциональной реакции в обществе, воспользовавшись которой можно добиться проведения в жизнь тех или иных законодательных изменений.

Одно из средств для этого – создание образа ужасных, постоянно мучающих и убивающих детей, российских родителей. Скажем, является поистине пугающей информация, распространяемая в российских СМИ о том, **как много детей гибнет в России от рук своих родителей**. Эта информация обычно распространяется на фоне той или иной яркой истории о реальном или вымышленном эксцессе, в результате которого создается общественный эмоциональный фон, позволяющий ввести те или иные законодательные изменения.

Так, на фоне раскрученного в СМИ «Дела Агеевых»¹⁶³, был принят Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2009 г. N 215-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ», увеличивший сроки тюремного заключения за преступления против детей, и, среди других, здравых изменений – за преступления по ст. 156 – «Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом» (в сочетании с жестоким обращением)¹⁶⁴. И подобная политика совершенно естественна с точки зрения сторонников вмешательства в семью. Так известный специалист по противодействию жестокому обращению с детьми Е.И. Цымбал пишет (выделение наше):

¹⁶² Brenda C. Coleman, Associated Press, «Abuse, Neglect Killed About 1,200 Children in '93,» *Charlotte Observer*, (April 8, 1994)

¹⁶³ Подробнее см., напр: <https://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=1409> и http://ruskline.ru/news_rl/2010/11/17/larisa_pavlova_delo_ageevyh_poprostu_absurdno/

¹⁶⁴ На практике эту статью, по нашему мнению неправомерно, применяют и к родителям, использующим умеренные воспитательные телесные наказания в интересах своего ребенка.

«После публикаций в средствах массовой информации шокирующих сообщений о случаях убийства детей, причинения тяжкого вреда их здоровью, факты физического насилия начинают выявляться значительно чаще. Однако влияние такого рода публикаций оказывается непродолжительным, если не сопровождается соответствующими законодательными и организационными мерами»¹⁶⁵.

Насколько же верны часто озвучиваемые в СМИ сведения о количестве детей, гибнущих в России от рук родителей? Сразу же бросается в глаза сильное «расхождение в показаниях». Некоторые источники утверждают, что в России ежегодно от рук родителей погибает 200 тысяч детей¹⁶⁶. Происхождение этих данных не вполне ясно, но они совершенно не согласуются с другими, более надежными данными. Они просто ни на чем не основаны.

В другом средстве массовой информации утверждалось:

«По данным разных ведомств, в России от рук родителей погибает от 10 до 30 тысяч детей в год»¹⁶⁷.

Ссылки ни на какие конкретные данные также не приводятся, и с более надежной, официальной информацией эти сведения не согласуются.

Несколько более реалистично выглядят другие данные – но увы, и они не выдерживают проверки. Так, в 2006 году тогдашняя председательница комитета Госдумы по делам женщин, семьи и детей Екатерина Лахова утверждала, что ежегодно две тысячи российских детей погибают от рук своих родителей¹⁶⁸.

Но и эти данные оказались неточными, а их источники остались неизвестными. Дело в том, что в 2007 году по официальным данным МВД¹⁶⁹ и Следственного Комитета при прокуратуре РФ¹⁷⁰ всего погибло в результате преступлений 2.500 детей (в 2008 – 1.900). Это – общее число погибших детей. Цифры, приведенные выше со слов Е. Лаховой и Б. Альтшулера, очевидно, стали результатом неточных формулировок и поспешных интерпретаций. Точно так же, как целый ряд СМИ решил, невнимательно прочитав текст опубликованной МВД информации, что все эти дети погибли от рук педофилов, точно так же защитники прав детей решили, что все они погибли от рук родителей. Между тем, таких данных в статистике не содержалось.

Более того, если верить другим данным МВД, приведенным Министром внутренних дел¹⁷¹, в 2009 году всего в отношении несовершеннолетних было совершено 106 тыс. преступлений (цифра включает все преступления, а не только убийства), из них родителями детей было совершено 4 тыс. Нетрудно подсчитать, основываясь на этих цифрах, что лишь 4% преступлений в отношении детей совершаются родителями, а 96% преступлений, включая и убийства, соответственно, были совершены вовсе не родителями.

¹⁶⁵ Серия «Работа с детьми группы риска». Выпуск №18. "Жестокое обращение с детьми: причины, проявления, последствия" / Е.И. Цымбал, (изд. 2-е исп. и доп.). – РБФ НАН, 2010. с. 37.

¹⁶⁶ <http://svpressa.ru/society/article/53130/>

¹⁶⁷ <http://www.newsru.com/crime/06feb2009/steppairdrugdeal.html>

¹⁶⁸ <http://lenta.ru/articles/2006/11/10/adoption/>

¹⁶⁹ <https://web.archive.org/web/20100226143930/http://www.mvd.ru/news/24986/>

¹⁷⁰ <https://web.archive.org/web/20130105075250/http://www.sledcom.ru:80/smi/542/>

¹⁷¹ <https://www.infox.ru/news/169/social/society/49929-v-2009-godu-ot-nasilia-roditelej-postradali-4-tys-detej>

Сколько же из примерно двух тысяч детей, погибающих в России в год в результате преступлений, действительно гибнет от рук собственных родителей? Наиболее точный ответ на этот вопрос был дан в 2005 году заместителем Генерального Прокурора РФ¹⁷². По его словам, с 2000 по 2005 год в России от рук родителей всего погибло 1.086 детей. Заместитель Генпрокурора «отметил, что это официальная статистика, и разговоры о том, что в России от рук родителей гибнут от тысячи до двух тысяч детей ежегодно, не соответствуют действительности». Нетрудно догадаться, что цифры Генпрокуратуры – наиболее точные (поскольку представители прокуратуры всегда участвуют в уголовном процессе по делам об убийствах). Она не заинтересована ни в преувеличении, ни в преуменьшении статистических данных. Эти данные в целом соответствуют и данным, приводившимся в тот же период «Российским детским фондом»¹⁷³, по данным которого в 1999 г. от рук родителей в России погибло 200 детей. Эти данные, в общем и целом, сохраняют свою оценочную верность и в настоящее время.

Иными словами, цифра, приводимая Е. Лаховой и Б. Альтшулером в действительности завышена в 10 раз. Каждый год в России от рук родителей гибнет 200 детей, а не две тысячи. И еще неизвестно, только ли случаи убийства детей родными родителями отражены в этой печальной цифре. Вполне возможно, что случаи убийства ребенка отчимом или мачехой включены сюда же. Разумеется, каждая смерть ребенка, тем более, если ее причиняют самые близкие люди – трагедия. И, разумеется, убийство ребенка должно строго наказываться по нормам действующего уголовного права. Однако, думается, что указанная цифра никак не может оправдать попыток введения «тотального воспитательного контроля» в отношении всех российских родителей, а тем более – запретительных мер в отношении умеренных семейных воспитательных телесных наказаний. Между тем, как показывает опыт, публикация подобной информации почти всегда сопровождается всплеском активности сторонников запрета воспитательных телесных наказаний в семье, которые говорят о необходимости законодательных изменений в этой области. При этом используется стандартный и, как мы показали выше, ложный аргумент, согласно которому, якобы, существует связь между умеренными телесными наказаниями детей и серьезным насилием над ними.

При этом следует иметь в виду, что, без всяких запретов, уровень детской криминальной смертности в России весьма невысок, как в абсолютном, так и в относительном выражении¹⁷⁴, несмотря на эмоциональные заявления некоторых СМИ¹⁷⁵. Скажем, за 2007-2014 годы он колебался вокруг одной и той же цифры, между 5,2 и 9,3 детьми погибающими в год на 100.000 детей, живущих в России¹⁷⁶ (при этом самым высоким этот уровень был в 2007 году).

Мы воздерживаемся от суждений о добросовестности или недобросовестности тех или иных авторов, транслирующих общественности завышенные цифры детских смертей от рук родителей. Некоторые из них могут вполне честно заблуждаться. Однако приходится признать, что эти сведения играют вполне конкретную роль: создают эмоциональную реакцию общества, «программи-

¹⁷² <http://rian.ru/crime/20050719/40932349.html>

¹⁷³ <http://www.demoscope.ru/weekly/021/strimir01.php#5>

¹⁷⁴ См. подробнее: «В России все чаще убивают детей»: о создании мифов и статистике ложных доносов: <http://blog.profamilia.ru/post/614>

¹⁷⁵ См. напр.: <http://www.utro.ru/articles/2010/11/09/935483.shtml>

¹⁷⁶ Расчет по числу детей, погибших от рук преступников по данным МВД и общей численности детского населения по данным Росстата.

руют» его на принятие законодательных изменений, в реальности не имеющих под собой никаких серьезных оснований.

В результате подобной медиа-кампании в обществе создается ситуация «двойной жизни» и своего рода нравственного «раздвоения личности», поскольку многие родители, с учетом пропаганды СМИ, начинают бояться упоминать о тех или иных вполне допустимых методах, применяемых ими при воспитании. Ведь упоминая о них, они рискуют попасть под чей-либо публичный гнев и даже подвергнуться неправомерному юридическому преследованию, попасть под подозрение в криминальном насилии над своими детьми. Это, в свою очередь, позволяет создать иллюзию того, что общественное мнение «поддерживает» требования сторонников запрета телесных наказаний. Фактически, по нашему мнению, здесь оправданно было бы говорить об «информационном насилии» над обществом и семьей.

Искажение действительности, предоставление публике намеренно неполной информации используется не только при продвижении требований законодательно запретить применение телесных наказаний детей в семье, но и при внедрении методов реального вмешательства в жизнь тех семей, которые их используют.

Одним из наиболее ярких примеров такого рода является кампания по продвижению т.н. **«Телефона доверия для детей, подростков и их родителей»**. Нетрудно убедиться, что в созданных Фондом помощи детям, находящимся в трудной жизненной ситуации рекламных материалах этого телефона для детей¹⁷⁷ утверждается: *«Звонок анонимный <...>»* и *«Тебе гарантируется полная анонимность. Свое имя можешь не называть»*. Таким образом, у ребенка создается впечатление, что с ним просто поговорят, помогут советом, но не узнают, кто он, и не вмешаются в его семейную жизнь. Между тем, это впечатление не соответствует действительности. В материалах Фонда о программе «Россия – без жестокости к детям» сообщается (выделение наше):

«Работа с обращениями детей требует от консультантов тщательной подготовки. Они должны уметь завоевать доверие ребенка, вызвать его на откровенный разговор, помочь снять психологическое напряжение, а в случае угрозы для жизни и благополучия собрать необходимые данные, чтобы ребенку как можно скорее была оказана необходимая помощь. <...> Ни один сигнал о жестоком обращении с детьми не должен остаться без ответа!»¹⁷⁸.

Изучив материалы Фонда и программы, нетрудно убедиться, что под «жестоким обращением» они, неоправданно расширительно трактуя правовые нормы, имеют в виду, в том числе (а фактически - в первую очередь), умеренные воспитательные телесные наказания детей родителями. На детских плакатах, рекламирующих «горячую линию», популярные мультипликационные персонажи из сериала «Смешарики» объясняют ребенку, что его не имеют права «обижать», в частности, «шлепать» или оставлять без обеда. Выше мы указывали, что такое понимание правовых норм, в действительности, не является обоснованным.

Таким образом, заверив доверчивого ребенка в анонимности и безопасности звонка, сотрудники «телефона доверия» сознательно вызывают его на откровенность с целью собрать данные, необходимые для последующего вмешательства в семью в тех случаях, в которых они сочтут это необ-

¹⁷⁷ <https://web.archive.org/web/20100730224421/http://ya-roditel.ru:80/national-campaign/gallery/>

¹⁷⁸ Буклет: «Россия – без жестокости к детям! Общенациональная информационная кампания по противодействию жестокому обращению с детьми», с. 11.

ходимым, в частности – в случае использования в семье любых телесных наказаний. Обещание анонимности, в свете этой информации, является, как мы считаем, фактической фикцией. По нашему мнению, в данном случае справедливо говорить о массовом введении детей в заблуждение и злоупотреблении их доверием.

Таким образом, помимо недостоверной и необоснованной аргументации, в продвижении инициатив по запрету телесных наказаний детей в семье и связанных с ними вмешательств в семейную жизнь в России активно используются искаженные фактические данные и методы, которые мы полагаем неэтичными и манипулятивными.

Выводы

Изложенная выше информация и проделанный нами анализ позволяет, по нашему мнению, прийти к следующим обоснованным выводам:

- история движения за запрет телесных наказаний детей связана с историей организаций, борющихся за права гомосексуалистов и педофилов;
- на международном уровне движение за запрет телесных наказаний продвигается крайне узким кругом активистов и организаций, которые не выражают действительных общественных интересов;
- в продвижении своей позиции сторонники запрета телесных наказаний детей регулярно используют ложные и бездоказательные утверждения, манипулируя общественным мнением;
- мнение о том, что воспитательные телесные наказания являются насилием по отношению к ребенку и унижительным обращением, не имеют под собой достаточных оснований, бездоказательно продвигаются конкретными общественными группами, подменяющими своими мнениями реальные правовые нормы;
- мнение о том, что умеренные воспитательные телесные наказания наносят вред детям, не может считаться научно доказанным и убедительным, ряд научных данных прямо противоречит этому мнению;
- мнение о том, что применение умеренных воспитательных телесных наказаний в семье повышает риск тяжкого насилия в отношении детей, не подтверждается фактами и является голословным;
- ни один обязывающий акт международного права, принятый Российской Федерацией, не требует запрета умеренных воспитательных телесных наказаний;
- неверно утверждение, согласно которому применение умеренных воспитательных наказаний детей в семье запрещено действующим российским законодательством;
- при продвижении позиции сторонников запрета телесных наказаний игнорируется общественное мнение, культура и традиции конкретных народов, мнения представителей религиозных общин – она искусственно внедряется вопреки мнению общности;
- на примере Швеции, первого государства, юридически запретившего применение телесных наказаний детей в семьях (1979), вполне очевидно, что такой запрет может вести к тяжелым долговременным отрицательным последствиям для общества (возрастание уровня тяжелого насилия в отношении детей, разрушение семей).

Все это позволяет нам сделать общий вывод о том, что использование умеренных телесных наказаний детей в семейном воспитании не может считаться причиняющим вред детям или обществу, и не существует никаких реальных оснований для того, чтобы требовать его законодательного запрета или вводить подобный запрет в России. Попытки введения такого запрета являются неоправданными, противоречат традициям российского воспитания и отечественным семейным ценностям.

По нашему мнению, интересам российского общества отвечает сохранение автономии родителей в принятии решений в сфере воспитания детей, которая должна быть поддержана соответствующими законодательными гарантиями.

Возможные законодательные изменения

Как было показано, не существует веских оснований для того, чтобы запрещать умеренное применение телесных наказаний детей в семье в воспитательных целях. Однако действующее законодательство не вполне определено в этом отношении, что создает возможности для неправомерного расширительного толкования его норм в правоприменении. Это может приводить и на практике приводит к фактическому бесосновательному ограничению права родителей принимать соответствующие решения в сфере воспитания своих детей.

Речь идет о насильственном вторжении в сферу воспитания детей их родителями в условиях, когда для такого вторжения, как было нами показано, нет никаких веских причин и оснований. На наш взгляд, это приводит к нарушению неприкосновенности семейной жизни под внешне благовидным, но не имеющим оснований предлогом. Именно подобное нарушение неприкосновенности семейной жизни, а вовсе не умеренное применение воспитательных телесных наказаний в семье, является, по нашему убеждению, общественно опасным. Оно вносит разлад в детско-родительские отношения, лишает ребенка ощущения стабильности и упорядоченности семейной жизни, подрывает авторитет родителей в глазах ребенка.

В этой ситуации разумной мерой могло бы стать такое уточнение законодательных норм, при котором разумное применение родителями при воспитании детей умеренных телесных наказаний не могло бы рассматриваться как правонарушение и (или) преследоваться по закону.

Как мы полагаем, ситуация неоправданной неопределенности может быть снята, а права родителей принимать соответствующие решения в сфере воспитания своих детей без неоправданных вмешательств извне могут быть надежно защищены при внесении в законодательные акты следующих изменений:

Добавление в ст. 65 п. 1 Семейного кодекса РФ, между вторым и третьим абзацами, дополнительного абзаца следующего содержания:

Не признается пренебрежительным, жестоким, грубым и унижающим человеческое достоинство обращением разумное использование родителями или (с их согласия) лицами, их заменяющими, умеренных телесных наказаний в целях воспитания детей и в их интересах.

Внесение в ст. 6.1.1 КоАП РФ, ст. 116.1 Уголовного Кодекса РФ примечания следующего содержания:

Примечание: Не рассматривается как побои разумное использование родителями или (с их согласия) лицами, их заменяющими, умеренных телесных наказаний в целях воспитания детей и в их интересах.

Внесение в ст. 117 Уголовного Кодекса РФ примечания следующего содержания:

Примечание 2: Не рассматривается как насильственные действия разумное использование родителями или (с их согласия) лицами, их заменяющими, умеренных телесных наказаний в целях воспитания детей и в их интересах.

Внесение в ст. 156 Уголовного Кодекса РФ дополнительного примечания следующего содержания:

Примечание: Не рассматривается как жестокое обращение разумное использование родителями или (с их согласия) лицами, их заменяющими, умеренных телесных наказаний в целях воспитания детей и в их интересах.

С целью надлежащей защиты прав родителей на воспитание детей также, по нашему мнению, было бы разумно обеспечить законодательное закрепление приоритета права родителей на свободное принятие решений в сфере воспитания своих детей. Именно родители, а не государственные органы или иные лица, должны определять, что отвечает наилучшим интересам их детей, за пределами узкого круга ситуаций, когда речь идет о действительно общественно опасных деяниях.